

Александр Ф. Каменецкий

СОЛНЕЧНЫЙ КРУГ

Александр Каменецкий

Солнечный круг

«Автор»

2014

Каменецкий А. Ф.

Солнечный круг / А. Ф. Каменецкий — «Автор», 2014

ISBN 978-5-532-11063-2

Мальчишки и девчонки — они будущее нашего мира, от них зависит, какой будет наша Земля. И не только она. Эта книга — сборник из трёх ранее изданных произведений серии «Солнечный круг». В сборник включены книги: «Уйдём в предрассветный туман», «Луч солнца золотого» и «Я — робот». Три фантастических истории о приключениях в разных мирах, разных измерениях. Эти миры-близнецы — отражения нашей Земли. Единое для всех миров Солнце дарует им жизнь и объединяет их в неразрывную цепь. Цепь миров, кольцо вокруг Солнца — солнечный круг. Юные герои, вольно или невольно проникающие в отражённые пространства, непременно ввязываются в опасные истории, сражаются с врагами и находят друзей. Ребятам выпадают увлекательные приключения и нелёгкие испытания, которые нипочём не одолеть, не будь рядом верного друга. И крепкая дружба, любовь и верность надёжно связывают далёкие миры вопреки всем преградам и расстояниям.

ISBN 978-5-532-11063-2

© Каменецкий А. Ф., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Уйдём в предрассветный туман	5
Луч солнца золотого	47
Глава 1	48
Глава 2	50
Глава 3	52
Глава 4	54
Глава 5	56
Глава 6	57
Глава 7	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Александр Каменецкий

Солнечный круг

Уйдём в предрассветный туман

*Уйдём в предрассветный туман.
Песня «Вечер на рейде»*

слова А. Чуркина

– Малыш, ты не мог бы мне помочь?

Голос был спокойный, твёрдый и незнакомый. Казалось, голос принадлежал человеку солидному, уверенному в себе, и в то же время был странно молодым. Малыш со сдерживаемым любопытством и страхом, осторожно выглянул сквозь щель между серыми занозистыми досками разошедшей стены. Поморгал. Бесшумно шагнув, наклонился, почесал испарпанное колено и приник к другой щёлке. Молодой человек на улице терпеливо ждал, рассматривая дом (если так можно было назвать это покосившееся строение). Был человек Малышу незнаком, в этом можно было не сомневаться. Увидишь такого – вряд ли забудешь. Зрелище было ещё то! Никогда Малышу не приходилось встречать так странно одетого мужчину. И не только в их районе, где люди одевались не в то, во что хочется, а в то тряпье, что сумели раздобыть. Но и в центре города, где располагались многоэтажные здания городских контор и центральный полицейский участок, где сновали туда-сюда клерки, стряпчие и всякие важные чинуши, и в южном районе у моря, где жили в своих коттеджах богачи, и даже в портовом районе, где встречались путешественники почти со всего света, таких странных Малышу до сих пор не попадалось. На незнакомце были грубые потёртые светло-синие штаны, ярко-красная тёплая рубаха или, скорее, тонкий свитер. Поверх этого – нараспашку тёмный плащ, длиной до колен, и шляпа на голове. Шляпа, представляете?! И это в самую жару, под бьющими лучами выкатившегося на безоблачное небо летнего солнца. А уж на ногах у незнакомца было нечто совсем непонятное. Ни сапоги, ни ботинки. Вернее, ботинки, но белые, с разноцветными полосками, с толстой подошвой. Какой сапожник стачал такое непотребство, можно было только гадать.

Впрочем, молодой человек не вызывал особых опасений, даже, пожалуй, выглядел располагающе, но кто же верит первому впечатлению. Малыш разглядывал чужака, не спеша отзывать, и не решив ещё: выйти поговорить или сбежать через окно в противоположной стене.

– Малыш, ты не мог бы мне помочь? – незнакомец в шляпе, спокойно и не меняя интонации, повторил вопрос. И добавил: – Выходи, не бойся.

«Откуда он знает, как меня зовут? – подумал Малыш. – Да и вообще знает, что я здесь? Видеть меня он не может. Или может? – Малыш отпрянул от щёлки, постоял в сомнении и приник к ней опять. – Меня кто-то сдал?! Нет, невозможно. Никто не знает, где я прячусь!»

Малыш поморщился, лихорадочно соображая, как поступить. Чужак на улице своим появлением напугал и привёл в замешательство: «Откуда ж ты взялся?! Чего тебе нужно-то от меня?!»

Малыш оглянулся на оконный проем с остатками выломанной в давние времена рамы – никого, только заросший репейником пустырь. Путь свободен. Ещё не поздно тихонько сбежать. Но жалко укрытия, здесь всегда было тихо и безопасно. Наконец, он решился.

– Чего ты хочешь? – крикнул Малыш, вернувшись к наблюдению за чужаком, стараясь сделать свой голос грубее и унять невольную дрожь.

– Выходи. Не бойся. Мне нужна небольшая помощь, – чужак вдруг улыбнулся, вспомнив о чём-то, и радостно добавил, – я могу заплатить.

Мальш поколебался ещё немного, оглядывая через щель узкий пыльный переулок – похоже, чужак был в самом деле один. Затем Мальш откинул крючок, цепляющийся за ржавый гвоздь (и зачем закрывался, если окон нет) и, открыв тонко скрипнувшую дверь, встал на пороге. Чужак не сделал ни одного движения, стоял и внимательно рассматривал Мальша, не торопясь начинать разговор. Потом кивнул каким-то своим мыслям и сказал:

– Привет, малыш.

Мальш промолчал, и незнакомец, поняв, что ответа не дождётся, заторопился:

– Я тут слегка заблудился, ты мог бы мне рассказать, как пройти в... – он запнулся, пощёлкал пальцами и сунул руку в карман плаща. Мальш был настороже, он резко отскочил в сторону, скрываясь за стеной.

– Нет, нет, не бойся! – Чужак вытянул свободную руку успокаивающим жестом с открытой ладонью в сторону Мальша.

Мальш выглянул одним глазом из-за косяка двери и увидел, как чужак медленно-медленно вытащил вторую руку из кармана и поднял обе ладони перед собой, показывая, что ничего опасного в них нет. В правой руке между двумя пальцами он зажал клочок желтоватой бумаги. Мальш вышел и опять остановился в дверном проёме, не переступая низкий, истёртый в середине порог. Чужак также медленно развернул бумажку:

– Да, вот, Чернецкий тупик, – прочитал он и повторил, глядя на Мальша, – Чернецкий тупик. Расскажи, как туда пройти.

– Кто тебе разболтал, что я здесь ночую? – Мальш не сводил серых внимательных глаз с незнакомца и, кажется, даже моргать забыл. Это был важный вопрос.

– В каком смысле? А, вот ты о чём! Да никто не болтал, – человек в шляпе пожал плечами, – я сам тебя заметил, когда утром проходил мимо. Почти случайно. Заглянул в щёлку, вижу – ты спишь, ну я и пошёл дальше, не стал тебя беспокоить. Но тут поблизости вообще никого нет, только ты один. Странное место. А мне бы дорогу узнать, заплутал я у вас, кругами хожу. Когда снова вернулся сюда, решил тебя окликнуть.

– Врёшь! – убеждённо сказал Мальш.

– Ну почему же... – растеряно заморгал чужак, услышав в голосе Мальша полную уверенность. – Да и зачем?

– Врёшь! – повторил мальчишка и кивнул в подтверждение.

– Да с чего ты это взял, малыш? – чужак, похоже, начал терять терпение. Глянул ещё раз на бумажку, которую по-прежнему держал в руке, оглянулся. Солнце поднималось всё выше, освещая узкую пыльную мостовую и пробивающуюся сквозь камни чахлую иссушенную траву.

– А с того! – победно глянул на него Мальш. – Откуда бы ты знал, как меня зовут, а?

Незнакомец ещё поморгал, почесал согнутым пальцем висок, сдвинув шляпу, и не спеша сказал:

– Так я, вроде как, и не знаю, как тебя зовут.

– Врёшь! – ещё раз непоколебимо и уже как-то радостно сказал Мальш. – Сам только что назвал меня Мальшом!

– Ну да, назвал. Ну и... – чужак нахмурился, и вдруг расцвёл улыбкой, – постой, так тебя так и зовут – Мальш?! Во дела... – и он хлопнул себя ладонями по бёдрам, отчего полы плаща взметнулись и медленно опали. Вновь посмотрел на зажатую в руке записку и небрежно сунул её в карман. – Я же не то имел в виду... – он сделал шаг навстречу Мальшу и тут же, спохватившись, отступил на прежнее место, заметив попытку Мальша удрать, и быстро, но сбивчиво стал объяснять: – Ну... я назвал тебя мальшом, потому что ты и есть... ну, малыш. – Он нахмурился, помотал головой, помолчал, глядя на Мальша (тот глядел на чужака с ехидной усмешкой), и продолжил уже спокойней. – Я имел в виду, что ты ещё совсем маленький

человек, ребёнок, потому и назвал тебя малышом. Называть тебя – «мальчик», было, как-то не совсем ловко. В моём... гм, в моей стране мальчиков твоего возраста взрослые иногда называют малышами.

– Врёшь, – сказал Малыш уже не так уверенно.

– Ну что ты заладил: «врешь, врешь». Я тебя ещё ранним утром, часа три назад заметил. Ну, наследил ты вокруг своего жилища, малы... гм, Малыш. Нет, ты не бойся, следов немного, неопытный человек вовсе ничего не заметит, ну а я вот... Заглянул к тебе осторожно – ты спал, я и пошёл дальше по своим делам. Только у вас здесь лабиринт какой-то, да не простой, а заколдованный. Шёл вроде куда нужно, а пришёл опять сюда. Пошёл другим путём – и вот я снова здесь. Прямо чудеса какие-то. И всё заброшено, пусто, никого нет, кроме тебя, вот и пришлось тебя беспокоить. Мне нужно-то, чтобы ты подсказал, как дойти до Чернецкого тупика, а то я что-то в тупике. – Чужак невесело усмехнулся. – А может, ты не слишком занят и можешь меня проводить?

Чужак замолчал и терпеливо ждал ответа от Малыша. А тот вдруг вспомнил, что этим утром он и в самом деле проспал необычно долго. И снился ему странный сон. Он не спеша взбирался на холм, заросший высокой густой травой, усыпанной прозрачными шарами одуванчиков, высокими зонтиками пижмы и белыми метёлками донника. Солнце над головой не жгло, а ласково грело. Привеченные солнцем, стрекотали кузнечики, жужжали пчелы, но их «голоса» перекрывала незнакомая мелодия. Как будто кто-то невдалеке пел неспешную, печальную, но светлую песню. Слов Малыш не разобрал, а мелодия без слов не запомнилась, и только непривычная печаль этой песни засела и царапала его изнутри. И ожидание. Ожидание, что вот-вот что-то случится, но не тревожное, а необычно-радостное, словно радуга после грозы. Хороший был сон, и от воспоминаний о нём внутри у Малыша странно защекотало. Может, даже слишком хороший, но Малыш решил – это добрый знак.

– Нет, здесь никакого Чёртецкого тупика. – Малыш выказал напускную суровость, он уже не боялся чужака. Опасался – да, но бояться перестал. Мальчишка сел прямо на пороге скрестив ноги и выставив вперёд тощие, грязные колени. – И я совсем не маленький, меня просто так зовут.

– Ну, конечно. Теперь и я вижу, что ошибся, – неуверенно сказал чужак, разглядывая худенького мальчика лет едва ли десяти. Тот был босиком, в темных потрёпанных штанах до колен, в грязной серой майке, с несколькими дырками, и сам он был какой-то пыльно-серый: и волосы, и руки, и ноги, и даже чумазое загорелое лицо. И только серые глаза не были пыльными, а наоборот, сверкали как вода под полуденным солнцем. Чужак оглянулся, оглядел сплошной ряд заброшенных, с облезшими фасадами, домов в поисках куда бы сесть, не нашёл и со вздохом остался стоять. – А тупик... – он снова вытащил из кармана бумажку, – вот у меня записано точно – Чернецкий тупик. – Он поднял глаза, но мальчик отрицательно покачал головой. – Может быть, Ивовый переулок или Синяя улица?

– Есть такая улица, – очень серьёзно кивнул Малыш, а чужак обрадовано заулыбался. – Я был там два раза. Только это в южном районе, там, у моря. Чего ты здесь-то искал?

– Далеко, да? – смутился чужак. – Ну, я тут впервые. Так ты можешь меня проводить?

– Нет.

– Ты же сказал, что знаешь дорогу.

– Дорогу знаю.

– Послушай, Малыш, – незнакомец начал сердиться, но опомнился и продолжил очень мягко, – мне очень нужно попасть в этот Чёрте... э... гм... Чернецкий тупик. А ты можешь меня туда проводить.

– Нет.

– Малыш, ведь здесь никого больше нет. Да и что-то мне подсказывает, что наша встреча не совсем случайна, и никто другой мне помочь не сможет. – И вдруг вспомнил: – Я тебе заплачу.

Мальчишка недовольно разглядывал чужака с полминуты, потом снизошёл до объяснений:

– Без меня тебе и отсюда сложно выбраться, а уж наш район ты наверняка вовсе не пройдёшь. Прибьют где-нибудь и ограбят, ты какой-то неприспособленный. – Серьёзно, как будто взрослый малышу, растолковывал мальчик. – Дорогу я знаю, но мне в южный район, тот, что у моря, мне туда нельзя. Да и в нашем районе я тебя не ото всех смогу уберечь. Тебе бы с кем-нибудь посолиднее договориться, да только это не для тебя. Уж больно ты странный и порекомендовать тебя никто не может, ведь так? Так! – уверенно кивнул Малыш. – Ты одиночка. Никто не будет с тобой связываться и помогать тебе. А самому тебе здесь не выжить. Я, так и быть, могу вывести тебя из города. Тут недалеко. Обойдёшь кругом, доберёшься до порта, а там сядешь на свой корабль и отправишься, откуда прибыл.

– Я прибыл не кораблём, но это неважно, я не могу вернуться тем же путём, мне нужно в тот тупик.

– Не кораблём? Врёшь! Ну не через пустыню же ты пришёл.

– Нет. Не будем об этом. Лучше скажи, что мне делать. – И опередив ответ Малыша, добавил: – Только не говори: «вернуться домой».

– Мне нельзя туда, – помолчав, грустно сказал Малыш, – у меня идеологические разногласия с местными.

– Идеологические разногласия? – чужак удивлённо посмотрел на мальчика, оценивая его заново. – Ну если так, то... гм, конечно.

Он помолчал, потом осторожно предложил:

– Может, я смогу оградить тебя от этих разногласий? Я не совсем уж беспомощный.

– Ты?! – во взгляде малыша явственно прочиталось всё, что он думал о способностях чужака. – Ну, даже если мы проберёмся с тобой в твой Чёртецкий тупик, – мальчик с детским упрямством перевирал название, – который ещё найти надо, то обратно-то мне одному возвращаться. Тогда уж ты мне ничем не поможешь, да ещё, если заплатишь – с деньгами я точно далеко не уйду. На деньги у них чутьё.

– Ох, прости, – расстроился чужак, – я совсем не подумал, как ты будешь возвращаться. – Он выглядел действительно смущённым.

– Ты и не должен думать обо мне, – спокойно сказал Малыш. – Ты о себе подумай.

– Так ты не бываешь в том, как его, южном районе, который у моря?

– Ну, – смутился Малыш, опустил глаза и вновь посмотрел прямо на незнакомца, и почти прошептал, – иногда бываю.

– А как же идеологические разногласия? – незнакомец, прищулив один глаз, хитро глядел на Малыша.

– Чего ты! – надулся Малыш. – Я же не днём туда пробираюсь, а ночью. И один к тому же, – мстительно добавил он, – а не с таким вот...

– Ночью? – переспросил Чужак. – Ночью хуже, но, если по-другому нельзя... Ночью-то проведёшь?

Малыш упёр локти в колени и, положив подбородок на подставленные ладони, долго рассматривал чужака. Тот переминался с ноги на ногу в своих странных ботинках, но молча ждал.

И вдруг Малышу почудилось, что вновь где-то зазвучала песня. Та самая песня из хорошего сна. Малыш даже слова расслышал, только не понял – пели на чужом языке. Он не раз слышал, как моряки из других стран пели в кабаке, в портовом районе. Только их песни были в основном грубыми и громкими, а здесь еле уловимая неспешная мелодия, наполненная силь-

ными, хоть и непонятными словами. Малыш прислушался, и песня сразу пропала – послышалось?! Точно, послышалось. А всё-таки это добрый знак.

– Ночью можно попробовать, – неохотно сказал он и добавил сердито, – но это если будешь меня слушаться.

– Обещаю! – чужак приложил руку к сердцу, но с трудом сдерживал улыбку.

– А платить чем собираешься?

Малыш всё ещё колебался и очень хотел посмотреть, как чужак будет жадничать и торговаться. Тогда можно будет отказать ему и сбежать, бросив его здесь посреди заброшенных домов.

– У меня есть деньги, – незнакомец засуетился, сунул руку в карман плаща и стал вытягивать оттуда сжатый кулак. Рука никак не вылезала, плащ задрался, и чужак, придержав полу плаща другой рукой, наконец выдернул кулак из кармана и радостно разжал. – Вот! – на ладони засверкали маленькими жёлтыми солнышками новенькие золотые монеты. Одна выскользнула сквозь пальцы и, звякнув, начала выписывать круг в пыли мостовой.

– Спрячь!!! – зашипел Малыш.

Высунувшись из двери, он стал пристально оглядывать пустую улицу и даже безоблачное небо. И не успокоился, пока этот чокнутый незнакомец не спрятал все деньги обратно в карман.

– Ты что, совсем... глупый? – Малыш явно хотел сказать другое слово, но сдержался. Он всё ещё подозрительно озирался. – На это можно жить наверно целый год. А может и два. Я в этом плохо понимаю, я столько и не видел никогда, – Малыш говорил, понизив голос почти до шёпота. – Если об этом узнает кто-то из нашего района, ни ты, ни я не уйдём отсюда живыми.

И подумал: «Глупый, но не жадный, как такому откажешь? Бросить его – пропадёт совсем».

– Прости, я не подумал. Я тоже не очень представляю, много ли это.

– Ты ограбил, что ли, кого-то?

– Нет, это вполне чистые деньги. Просто мне они достались довольно легко.

– Оно и видно, – Малыш немного успокоился, но по-прежнему был недоволен. – А ещё что-нибудь есть у тебя?

– А чего?

– Ну, ты заплатить обещал!

– А это, – он похлопал себя по карману плаща, – тебя не устроит?

– Ты очень странный, – задумчиво и печально сказал Малыш. – Я даже одну такую монетку никому показать не смогу. Барыги отнимут, хорошо, если самого не убьют, чтобы не болтал потом. А в банк отнести – в полицию сдадут. Никто не поверит, что я её не украл.

– Да. Тут ты прав.

Чужак увидел, что Малыш смотрит на него снисходительно.

– Да, да, признаю, ты вообще чрезвычайно сообразительный молодой человек.

Так редко кто-то хвалил Малыша, а у чужака это вышло хорошо, искренне и по-доброму. Малышу было приятно, но виду он не подал, сокрушённо, очень по-взрослому покачал головой, встал и вошёл внутрь дома. Но сразу выглянул обратно и махнул рукой:

– Заходи, чего ты там жаришься на солнце.

– Переговоры прошли в тёплой и дружественной обстановке, – пробормотал чужак, но Малыш, кажется, его не расслышал.

В доме (если эти четыре стены заслуживали такого названия) относительно целыми были только крыша, спасавшая от знойного солнца, и дверь, которая прочно держалась на двух толстых ржавых петлях. Деревянные стены и пол зияли щелями, сквозь пол местами прорастала бледно-зелёная, почти белая трава, окна – проёмы с обломками облезлых рам. У дальней стенки стоял не новый, но вполне приличный (для такого дома) стол на вычурных гнутых с резьбой ножках, покрытых потёртым красно-коричневым матовым лаком. На столешнице

выделялось большое овальное чёрное пятно, как будто на стол поставили что-то горячее. Вместо стула – опрокинутый на бок дощатый ящик. Всего один. В углу лежал бывший когда-то полосатым, а теперь просто грязный, кочковатый тюфяк явно набитый сухой травой. Больше ничего в доме не было, чужак вошёл, оглядываясь по сторонам. Малыш пропустил его в дом, закрыл позади него дверь и накинул дверной крючок на гвоздь. Незнакомец очень внимательно посмотрел на эту иллюзию защищённости в полуразрушенном доме, незаметно сочувственно покачал головой: «Здорово видать тебе досталось». Но вслух сказал:

– Меня зовут Максим, можно просто Макс.

– Малыш, – сказал Малыш очень серьёзно, потёр о штаны и протянул маленькую ладошку.

Максим осторожно и очень церемонно, с лёгким поклоном, пожал протянутую руку. Затем снял небольшую матерчатую сумку, висевшую на лямках у него за спиной, (Малыш раньше её не заметил) поставил прямо на пол возле гнутой ножки стола, скинул плащ, аккуратно положил его на ящик, заменявший стул, и сел сверху, прислонившись спиной к стене. Шляпу ловким привычным движением стащил с головы и положил на стол, прикрыв обгорелое пятно. Подождал, пока Малыш усядется на тюфяке в любимой позе скрестив ноги, и спросил:

– Так чем же я могу с тобой расплатиться?

– Ну, как я понимаю, нормальных денег у тебя нет?

– Нормальных?

– Ну, нормальных – медных мелких монет. Какие ещё деньги могут быть у такого, как я? – тихо сказал Малыш. – Я и такие-то монеты нечасто в руках держал.

– Вот я болван! – не на шутку расстроился Максим. – У меня только такие... Ну, ты видел. Может, я смогу их где-то обменять?

– Не надо. Спрячь их подальше, чтобы никто случайно не увидел.

– Но как же...

– Я подумаю позже, – перебил его Малыш, – как ты сможешь заплатить.

Помолчали. Малыш уже не думал о деньгах, он опять вспоминал ту самую мелодию. Она постоянно крутилась в голове, что-то рассказывала, куда-то звала. От неё в груди звенела прозрачная пустота, к горлу подступал комок, а глаза часто моргали, стараясь сдержать ненужную влагу. Малыш не плакал очень давно, с тех пор как понял: слезы не могут ничем помочь, от них будет только хуже. Решат, что ты слабак, ты лёгкая добыча, этого допустить Малыш никак не мог. И он разучился плакать даже наедине с собой. Да, он не сдержался в тот самый день, но это был особый случай. Но сегодня всё встало с ног на голову – странный сон, странный чужак, странная песня. Вдруг песня опять зазвучала, словно прямо за окном тихо, но слаженно, пел умелый хор. Малыш даже головой помотал, посмотрел на Макса, встретился с ним глазами – тот, кажется, ничего такого не слышал, Малыш отвёл взгляд. Звуки песни исчезли, а незнакомые, непонятные слова остались в голове. Ещё чуть-чуть и Малыш поймёт их, разгадает их притягательную тайну. Ещё мгновение...

– Как ты здесь оказался, Малыш, и что ты делаешь тут совсем один?

– Что? – Малыш словно очнулся, вся таинственность исчезла, и понимание ускользнуло, как и не было никогда. – Ах да. Ночую я здесь временами, здесь никого не бывает, можно спать спокойно. Здесь вообще-то странное место.

Место было и в самом деле странным, даже таинственным. Если смотреть со стороны: стоят на самой окраине несколько заброшенных полуразвалившихся домов. Окружены они покосившимся высоким забором из черных от времени досок, ворота завалены кучей вонючего мусора, который стаскивают сюда со всей округи. Можно, конечно, перелезть через забор и увидишь то, что и так видно издалека – ничего интересного, ничего ценного, три пустые развалюхи.

Но даже через забор никто не лазал. Казалось, что никто не замечает этого забора и этих домов. Малыш спрашивал о них у Суслика, у одноногого Конрада и даже у Большого Сэма – никто не понимал, о чём он говорит. Все их слова сводились к тому, что там есть пустырь и свалка, если там и есть заброшенные дома, то их они не интересуют (как будто мало заброшенных домов в их районе). И только Конрад после долгих расспросов вспомнил, что кажется, видел какой-то забор и дома, но ему и так забот хватает без всяких развалюх, и что Малышу тоже не на заборы надо пялиться, а сбегать в центральный район к трактирщику Вацлаву да выпросить каких-нибудь остатков, а то придётся спать опять голодным. (Конрад всегда отличался некоторой наивностью в житейских делах, и Малыш не разубеждал его, скрывая, что достаёт еду и иногда медяки не всегда столь простым и законным способом.)

Это случилось прошлой осенью. В очередной раз повздоровивши с подручным Белоглазого из-за одноногого Конрада, пришлось Малышу спасаться и искать убежище на ночь. Страх и обида гнали Малыша прочь. «Отчего люди такие злые? Разве нельзя никому не делать ничего плохого? – на бегу всхлипывал Малыш. – Разве нельзя оставить нас в покое, мы же их не трогаем, даже если они нам не нравятся».

Белоглазый со своей бандой почему-то не любили Конрада (впрочем, это было взаимно). Но на стороне банды была сила и была страсть помучить, поиздеваться, посмотреть на унижение слабого и беззащитного. Конрад терпел, на подначки, тычки и различные подставы не отвечал, а Малышу говорил, что относится к этому надо философски. Говорил, что так они отыгрываются за унижения, которые сами терпят от более сильных. Что их можно понять и даже пожалеть. Но Малышу было их вовсе не жалко, наоборот, если бы он мог, он бы всех их заставил заплатить за унижения Конрада.

Его маленьких сил никак не могло хватить даже, чтоб остановить одного бугая из банды, а в тот раз их было трое. И все же Малыш не вытерпел, забыл обо всех наставлениях Конрада (а наставления были: «сиди тут ни во что не вмешивайся, я сам разберусь») и камнем величиной с половину своего кулака засветил точно в середину лба бандиту, который отбирал у Конрада костыль.

Успел Малыш увидеть, как хлынула кровь из рассечённого лба, как отпустив, наконец, Конрада раненый заковылял прочь, зажимая ладонью лоб и покачиваясь. Успел Малыш увидеть, как двое других, присев поначалу со страха и покрутив головами, вдруг рванули прямо в его сторону. Больше ничего заметить он не успел, так как ноги сами собой понесли его прочь, пока в голову ещё только стучалась мысль о бегстве. Бег в темноте занятие не самое приятное и безопасное, но Малышу повезло, поплутав меж домами, невредимым добрался он до самых окраин района. Он сбавил скорость, и тяжело дыша раскрытым пересохшим ртом, перешёл на быстрый шаг.

Как оказалось, ни удачное попадание, ни бег по ночным переулкам не улучшили настроение Малыша. Гнев и обида тугим неповоротливым комком толкались у него в груди, мешали дышать, того и гляди, пробьют дыру и выльются наружу. А теперь к ним тонкими струйками стал примешиваться страх – ему этого не простят, домой теперь никак нельзя и больше ему некуда идти. «Кажется, для меня уже всё закончено в этой жизни, – уже как-то отрешённо подумал Малыш, его начинала трясти крупная дрожь. – На эту ночь надо найти место для ночлега, а завтра – будь что будет. Хотя если бы все повторилось, я бы швырнул этот камень снова, без всякого сожаления». Малыш, прячась в темноте, разгоняемой лишь звёздами да далёкими трепещущими огоньками свечей в окнах соседних домов, двигаясь вдоль того самого мало-приметного забора, нащупал качающуюся доску. Отодвинул её, загнав занозу в левую ладонь и протиснувшись в узкую щель, осторожно, чтоб не споткнуться, пошёл по улице между заброшенных домов.

Шёл он в надежде, тихонько забраться в дальний дом на чердак – быть может, в темноте и не найдут, а возможно, и искать не будут. А завтра днём будет видно. Он шёл и шёл, следуя

изгибам кривой улочки. Давно уже Малыш должен был упереться в забор с другой стороны, но улица продолжала извиваться между старыми домами, казавшимися в темноте необычно большими. Проплутав около часа и поняв, что окончательно заблудился, Малыш залез в ближайший дом через давно выбитое вместе с рамой окно (дверь, как ни странно, оказалась заперта на крючок), и устроился на ночлег, прямо на пыльном полу.

Страх погони испарился, и все заботы отступили, будто они касались не его лично, а кого-то далёкого, случайно и не слишком близко знакомого человека, и Малыш, подтянув колени к груди и обхватив их руками, заснул. Спал он недолго и встал, когда солнце ещё пряталось за покосившимися крышами соседних домов. Но чувство странной безопасности, какой он не испытывал ни разу в жизни, не проходило. Малыш чувству этому нисколько не поверил. Совсем безопасно может быть разве что в пустыне, где людей нету, да и то наверняка из-за бархана за тобой кто-то следит. Малыш, осторожно держась за гнилые доски (левая рука, куда накануне угодила заноза, совсем не болела и даже не покраснела ничуть), залез на чердак, а оттуда выбрался на покатую крышу, крытую ровными выцветшими деревянными плашками. Огляделся и едва не сверзился с высоты, потеряв равновесие. Устоял, замер поражённо – он не узнавал место, где находился. Насколько он мог видеть, кругом были заброшенные дома. И не один, не пять, а десятки. Этого просто быть не могло. Целый район пустых домов, о которых никто не вспоминает?!

Потом он целый день плутал по улицам заброшенного района, пытаясь вернуться домой, и даже к забору не смог выйти. Сворачивал в разные стороны, пролезал через окна, даже перепрыгивал с крыши на крышу, рискуя провалиться сквозь прогнившие доски. Но раз за разом возвращался к дому, в котором провёл ночь.

И всё-таки он нашёл дорогу. Короткий переулок, который, казалось, вёл совсем в другую сторону, упирался в большой зелёный дом с наглухо заколоченными ставнями. Слева от дома вилась узенькая, едва заметная, поросшая лебедой и крапивой тропка. Малыш пробежал по ней и, почёсывая изжаленные крапивой икры, вышел прямо к забору.

Он устал (хотя есть, почему-то хотелось не сильно), но, чтобы не столкнуться с Белоглазым или его подручными обошёл свой район почти по окраине и прибежал к одноногому Конраду. Только ему да, возможно, ещё Суслику, он был готов рассказать о своих приключениях. Но Конрад был чем-то расстроен, ворчал, охал, жаловался, что у него опять болит нога, и равнодушно выслушав Малыша, сказал, что фантазии в этом возрасте вещь хорошая и нужная, и вполне естественная, когда бы реальная жизнь, не была так сурова. Конрад, конечно, очень хороший. Из всех взрослых, так точно самый лучший, но иногда он бывает, скучен как старая дырявая калоша.

Суслик в тот день собирал подаяние (как называл это Конрад) почти до самого заката и явился с фингалом на щеке, баюкая левую руку и подвивая от боли и обиды. Какие уж тут рассказы о странном районе и заброшенных домах. Конрад при помощи Малыша перевязал Суслику руку разодранной на полосы своей старой майкой, смазал синяк мазью собственного приготовления. И, конечно, весь вечер был посвящён рассказу о злоключениях несчастного Суслика. Про свои проблемы Малыш уже почти забыл, да и оказалось Белоглазый тоже как будто забыл о Малыше. Во всяком случае, о ссоре, из-за которой Малышу пришлось бежать и прятаться, никто не вспоминал. Но о своей странной, если не сказать таинственной, ночёвке Малыш помнил и терпеливо ждал удобного случая повторить своё путешествие.

Со стороны думается, что маленький воришка и побирушка, такой как Малыш, обладает массой свободного времени. Наверное, легко судить со стороны, когда ты сыт, одет и уверен, что так будет и завтра, и послезавтра. Малыш же просто знал на собственной шкуре, что это совсем не так. Чтобы выжить, добыванию еды, а иногда и мелких медных монет, одежды со свалки южного района, различных нужных предметов приходилось отводить почти всё время дня, а зачастую и часть ночи. Редко удавалось выкроить время, чтобы сбежать вместе с Сусли-

ком в портовый район искупаться в море, да немного прополоскать грязную одежду. А ещё ведь нужно было время почитать книгу. Приходилось читать на чердаке в доме одноногого Конрада при свете маленькой тусклой свечки (за чтение Конрад всегда хвалил, а за свечку ругал).

Выкраивать время на новый поход в заброшенный район пришлось две долгих недели. Эти две недели прошли напряжённо. Суслик боялся идти побираться, рука у него ещё болела, и Малышу пришлось работать за двоих, пока Конрад не получил свою подачку (как он всегда называл пособие). Тогда у мальчишек выдался выходной. Суслик всё ещё был подавлен, часто плакал и боялся даже выходить из дома, и Малыш, отправившись бродить по улицам, как-то невольно (а скорее, очень даже вольно) оказался у заветного забора. Вот тут его и ждало неприятное открытие. Дождавшись, пока Старик Гердер перестанет коситься на него: «Чего это он околачивается возле кучи мусора», – Малыш дважды обошёл забор кругом, толкая доски. Несмотря на видимую ветхость забора, ни одна доска не шевельнулась – щели в заборе, в которую он пролез в прошлый раз, как будто и не было никогда. Малыш даже перелез через забор, чуть не разорвав при этом ветхие штаны, но обнаружил за оградой только несколько пустых заколоченных домов. Прошёл насквозь и вышел к забору с другой стороны через три минуты.

Ему уже стало казаться, что всё это, все ночные приключения, он сам придумал, начитавшись у Конрада книг о пиратах и кладах или, быть может, это ему приснилось. Оставалась последняя надежда, прийти сюда ночью и по памяти, на ощупь поискать ту самую качающуюся доску в старом, чёрном от времени заборе. Вот именно это и сработало. Сначала Малыш подумал, что он сходит с ума – доска и дыра в заборе, которую Малыш никак не мог найти днём (Конрад устал вытаскивать из его рук занозы), легко находилась в полной темноте на ощупь. Потом привык и перестал мучить себя вопросами (а Конрад и Суслик по-прежнему относились к его рассказам равнодушно).

С тех пор он частенько ночевал в пустом особняке. Притащил тюфяк и ящик, в общем, обустроившись. В заброшенном, а теперь вновь обживаемом Малышом доме всегда очень спокойно спалось. А по утрам почти не хотелось есть. Отсутствие его Конрад и Суслик, по всей видимости, даже не замечали, лишь иногда спрашивали, куда это он бегал так рано, а чаще и вовсе считали, что он спокойно провёл всю ночь на чердаке. Если бы не нужда добывать еду и не привычка к беседам с Конрадом, и страсть к книгам, Малыш, наверно, переселился бы сюда насовсем, но жизнь вынуждала бывать здесь только редкими спокойными ночами.

И как же Малыш испугался, услышав за стеной незнакомый голос, чуть не сбежал не оглядываясь. За всё это время Малыш так и не встретил здесь ни единого человека, и никого не уговорил пойти с ним (впрочем, в этом он не особо усердствовал). Только любопытство остановило его. Да, любопытство. Бывало, любопытство жестоко подводило его, втравливало в разные неприятности, а никак бороться с ним Малыш не научился. Как можно устоять, если перед тобой таинственная неизвестность, или секрет, или просто то, чего никогда раньше не видел. Малыш был любопытен. Наверно, именно это побуждало его раскрывать книгу каждую свободную минуту, это толкало его свернуть на ту улицу города, где он раньше не бывал (некоторые городские места приходилось посещать исключительно ночью). Любопытство примирало его с выслушиванием постоянного ворчания одноногого Конрада, ради его редких, но таких удивительно-интересных историй.

– Здесь очень странное место, – Малышу вдруг захотелось всё рассказать, ведь никто другой не слушал его рассказов про заброшенный район. – Сюда очень сложно попасть и ещё сложнее выбраться. Мне кажется, сам район решает, кого и когда пускать внутрь и выпускать наружу.

– Как это?

– Я не знаю, как объяснить, но чувствую, будто это место следит за мной. Я думал об этом, и мне кажется – этот район устал от людей, от всего, что они творят. И закрылся, никого сюда не допускает. В сказках бывает заколдованный лес, а это заколдованный район.

– Так это в сказках.

– Я верю в сказки, – Малыш, тут же застеснялся своих слов, засопел, – ну в то, что иногда в жизни всё случается, как в сказке, если, конечно, веришь. А если не веришь, так и совсем тошно жить, наверное. Вот Белоглазый и тот верит в удачу, в свою счастливую звезду, в фарт. Чем не сказка. Он только в чужие сказки не верит.

– А тебя район почему тогда пустил? – спросил Максим принимая теорию о сказочном районе и пропуская мимо ушей незнакомого ему Белоглазого.

– Не знаю. Возможно, пожалел, а может быть знал, что я в сказки верю, ничего тут не нарушу. А ты сам-то как сюда попал?

– Как тебе сказать, я просто открыл дверь, вошёл и оказался уже в одном из этих домов. Мне эту дорогу показали и описание дальнейшего пути дали, а проводить не смогли. Сказали, что это самый короткий путь. Только не предупредили, что отсюда так сложно выбраться, а может, и сами не знали. Объясняли довольно туманно, говорили про совмещённые пространства.

– Ясно, – Малыш кивнул, как будто ему и в самом деле всё было ясно, – я провожу тебя, куда тебе нужно, но только ночью. И бесплатно.

– Почему бесплатно? Я могу заплатить!

– Да видел я твоё богатство, – засмеялся Малыш, – оно тебе может ещё пригодиться. Не думаю, что сюда так легко попасть случайному человеку, а значит ты человек далеко не простой. И дорога у тебя неблизкая, тебе эти деньги понадобятся. Надеюсь, для хороших дел. А у меня от них жизнь лучше не станет.

– Какой ты серьёзный, Малыш, – улыбнулся Максим, – мне кажется иногда, что я младше тебя. Скажи, сколько тебе лет?

– Говорят, одиннадцать или двенадцать. Я точно не знаю.

– Как это? Ты не знаешь, сколько тебе лет? (Я бы дал тебе десять). А твои родители?

– Я сирота.

– И ты их совсем не знал? Кем они были?

– Маму не знал совсем. Она умерла, когда я только родился. А отец... отец был известной личностью в нашем районе. Он был главарём самой крупной банды, они держали в узде весь район и нагоняли ужас на жителей южного района, и на полицию. Только мной он не занимался и даже не интересовался, что со мной. Нанял кормилицу, потом няньку, и платил, говорят, исправно, но и только. Человек он был жёсткий и бесстрашный, отчаянный. Про него в городе легенды ходят. Вот это его и сгубило – убили его при налёте на банк, застрелили. Шептались, кто-то из своих и подставил, не поделили чего-то. Я отца почти не помню, мне тогда года четыре было, а может и три, – Малыш помолчал, вспоминая.

– Помню я, нянька, Эммой её звали, меня на похороны водила. Помню, что людей было много, что-то говорили, ругались, кричали. А после похорон она мне мои вещи в руки сунула и говорит: «Иди куда хочешь, мне тебя кормить больше нечем». И дверь передо мной закрыла. Я заревел, конечно, в дверь барабаню, а она как не слышит. Ну что делать, иду по улице, слезы ручьём, тряпки свои к груди прижимаю, реву в голос, а навстречу Конрад. А я всегда его боялся – седой, угрюмый, одной ноги нет, на костылях скачет, только пустая штанина подвязана. Ну, думаю, совсем плохо, всегда от него за Эмму прятался, а тут и деваться некуда, заревел ещё громче, такое у меня горе было – весь мир рухнул. – Малыш сглотнул, а Максим слушал, боясь перебить.

– Остановился Конрад и спрашивает, что, мол, я реву, да где Эмма. А я и сказать-то ничего не могу, только всхлипываю и подвываю, да одеждой в руках сопли по щекам разма-

зываю. Увидел он эту одежду, совсем мрачный стал. «Стой здесь!» – говорит, а сам к Эмме поспешил. О чём они говорили, не знаю, не слышал, а может, не помню уже. Эмма руками размахивала, а Конрад ей что-то тихо втолковывал. Потом развернулся и ко мне опять, лицо спокойное, только красное, будто на солнце обгорел, я почему-то именно это запомнил. «Иди за мной, Малыш», – говорит и ковыляет дальше. Я мальчик послушный был, тихий, сказал идти, я и пошёл, только всхлипывая, плакать уже не мог. Да. Вот с тех пор я у Конрада и живу. – Малыш посмотрел прямо в глаза Максиму, – Он мне и за отца, и за мать. И я за него готов любого... любому... – Малыш опустил глаза и не стал договаривать, а прислушался. – Ты ничего не слышал?

– Нет, а чего? – Максим прислушался и покачал головой.

– Поёт кто-то, – с сомнением пробормотал Малыш.

– Тихо кругом, – Максим ещё раз прислушался, – слышалось. А Конрад, он кто такой?

Историю Конрада Малыш узнал гораздо позже, когда пообщился у него и подрос. Конрад был человек образованный, интеллигентный, из приличной семьи. После университета ему предложили работу в гимназии их города. Учить детей, что может быть лучше?! Он согласился без долгих колебаний. И жизнь его была вполне размеренной: приличные ученики из хороших семей южного района; достойное жалованье; домик в том же южном районе, пусть далеко от моря и всего два этажа, но окружённый небольшим садом. Конрад женился, жена разводила в саду розы, сын в своё время пошёл в ту же гимназию, потом в мореходную академию, стал помощником капитана.

А потом случилось несчастье. Йозеф, сын Конрада, не вернулся из моря, в тот год было много штормов, и множество больших и крепких кораблей не вынесли напора морской стихии. Жена страдала о сыне и не пережила его и на год. Конрад держался. Он похудел, осунулся, стал мрачным, но по-прежнему работал. Работа стала его якорем среди житейских штормов. Но и ему даром не прошли все невзгоды последних лет – он заболел. Врачи долго пытались лечить его ногу, он принимал горы лекарств, терпел часы процедур, перенёс четыре операции, но улучшений не наступало.

Его уволили с работы. «Ученики не могут ждать бесконечно», – так сказал новый молодой директор гимназии. Конрад продал дом, чтобы иметь деньги на лечение, а сам поселился в съёмной комнате под самой крышей большого доходного дома. Это продолжалось очень долго. В конце, у него ничего не осталось, и врачи развели руками – единственное решение – отнять ногу. В то время ему стало почти всё равно, и он согласился на операцию. Конрад надеялся, что на костылях сможет вернуться на работу, ведь ему не нужно будет больше отвлекаться на постоянное лечение.

Он ошибался. В гимназию его не взяли, чтобы он своим видом не пугал таких чувствительных деток. Он пошёл к градоначальнику с проектом организовать школу в портовом районе для детей из бедных семей. Денег на этот проект не нашлось. Всё что он получил за годы честной работы – крошечное пособие по старости (он всегда называл его подачкой). Но других средств к существованию у него не было, и Конрад сдался. Он переехал в старый район, где можно было купить домик почти за бесценок. Район давно стал центром для всех криминальных элементов города. Даже полиция заглядывала туда только изредка, крупными силами устраивая облавы. Но, как ни странно, Конрад прижился.

– В то время, как я уже говорил, отец мой весь старый район в кулаке держал, – продолжал свой рассказ Малыш. – И Конрад первым делом к нему направился. Уж о чём они там говорили, никому неизвестно, но только Конрада никто не трогал. Даже после того, как отца убили, Конрад долгое время проблем не имел. Не то что сейчас. Да и Конрад, кстати, про отца моего никогда ничего плохого не говорил и мне запрещал. И если спросить его о моем отце, Конрад и сегодня скажет: «Может он и не был добрым человеком, но у него были свои понятия о чести».

Малыш шмыгнул носом и продолжил:

– Так и жили мы вдвоём с Конрадом, он меня кормил и одевал, как мог – себе во всём отказывал. Может, в память о сыне своём погибшем, может быть, просто от доброты душевной, я не знаю. И спрашивать не буду. Читать, писать меня выучил да книжки всё подсовывал. Книг у него много, и он их очень бережёт: когда сам на лечение деньги искал, ни одной не продал. А когда я заболел, пошёл и продал сразу несколько штук, доктора привёл да в аптеку, в центральный район, каждый день на костылях своих прыгал. И соседских детей Конрад учить пытался, да только когда им учиться, надо на жизнь зарабатывать, да и родители их чаще недовольны – незачем им быть шибко грамотными. Один Суслик только и выучился читать бойко, да и он ленится.

– Суслик? – переспросил Максим.

– Вообще-то его зовут Симон, он живёт с родителями через две улицы от нашей. Он постарше меня, но такой маленький и пугливый, что, выходя на улицу, тут же замирает, вытягивает шею и оглядывается, нет ли какой опасности. За это и прозвали его сусликом – это зверёк такой маленький, за городом такие водятся.

– Видел таких, – улыбнулся Максим.

– Ну, все его так и зовут. Его если Симоном окликнуть, он и не оборачивается – не привык. Только Конрад его Симоном называет, да и то, когда тот на Симона не отвечает, прикрикнет на него: «Суслик, я к тебе обращаюсь!». Суслик вообще-то учиться не очень хотел, он не любопытный, не любознательный, если его не трогают, то ему и хорошо, сидит себе молча. Только у Конрада жить и не учиться нельзя. Тут он спуска не даёт: «Нечем заняться, сейчас дело найду, а нет дела – бери книгу и читай».

– Постой, ты же говорил, что Суслик, Симон то есть, с родителями живёт.

– Есть у него родители – нормальные люди, не злые. Работают даже. Отец биндюжником в портовом районе, а мама посуду моет в кабаке для матросов. Только пьют много, дешёвого самогону добудут и гуляют до утра. В такие дни Суслику от них часто доставалось, он всё от них в собачьей будке прятался (собак у нас мало, будки с давних времён пустые стоят), а потом к Конраду прибился. Так и живёт, то дома, то у Конрада.

– И что, хватает вам пособия, которое Конрад получает?

– Этого пособия и одному взрослому на еду не хватит. Мы с Сусликом добываем еду. Просим милостыню. Конрад этим недоволен ужасно, злится, ругает себя, но приходится ему с этим мириться. А бывает, и стащим чего-нибудь, об этом мы Конраду никогда не говорим. Этого он терпеть не будет. И незачем ему об этом знать. В общем хорошо живём, не на что жаловаться, голодными не сидим.

– Вот я болван! – Максим хлопнул себя по лбу. – Ты ведь есть хочешь, а я не накормил, не напоил, а расспрашиваю.

Максим схватил сумку, стал вынимать свёртки и разворачивать их на столе. Через несколько мгновений сумка наполовину опустела, а на столе были разложены галеты, твёрдый сухой сыр, помидоры, пучок свежей пряной зелени, бумажный пакет с миндальными орехами, крепкие спелые яблоки, сладкое печенье и даже маленькая баночка с мёдом.

– Мяса нету, извини, и воды только фляжка. Ещё у меня есть рис и фасоль, но их варить надо. Я думаю, я их здесь оставлю, ты потом заберёшь, мне они дальше не понадобятся.

– Мясо, – фыркнул Малыш, подходя к столу, – у нас его тоже не бывает. А крупу с собой возьми, пока до места не доберёмся, а там посмотрим, – Малыш рассматривал стол, не решаясь взять что-нибудь первым.

– Бери всё что хочешь, – сказал Макс, протягивая Малышу фляжку с водой, – я не хочу есть.

– Врёшь! – грустно сказал Малыш. – Конрад тоже так говорит.

– Совсем не хочу, я по утрам не ем, Максим встал с ящика и ногой подтолкнул его к малышу.

Малыш недоверчиво оглядел Макса с ног до головы, но упрашивать себя не заставил. Через полчаса изобилие на столе заметно поредело, можно сказать, от него ничего не осталось, а Малыш окунал печенье в банку с мёдом и тянул его в рот, добавляя к помидорным разводам на щеках медовые пятна с крошками.

– Вкусно, но я больше не могу, – запихав в рот последний кусок печенья, малыш пристроил острый подбородок на сложенных на столе руках и разглядывал Максима, присевшего на подоконник. – Спасибо.

– На здоровье, Малыш, жаль не могу накормить тебя по-настоящему.

– А это что тебе, понарошку? – удивился мальчик.

– Это походная еда. По-простому.

– Мне нравится.

– Оно и видно, – засмеялся Максим, – вон весь перемазался, – Максим, достал платок и собрался вытереть Малышу лицо, но тот отскочил в сторону, уронив ящик.

– Чего ты, – надул губы Малыш, – я же не маленький, – и стал тереть щеки подолом грязной майки. Результат оказался противоположный желаемому.

– Вот чудо, конечно большой, – Максим порывшись в сумке, выудил оттуда небольшое зеркало и протянул Малышу. – На, держи!

С зеркалом дело пошло лучше и вскоре Малыш если и не был чистым, то выглядел не хуже, чем до завтрака.

Максим сел на тюфячок, прислонился к стенке и со вздохом вытянул ноги, покрутил ступнями в своих странных ботинках. Откинул голову назад, уперев затылок в шершавые тёплые доски, отчего его светлые волосы взъерошились ёжиком. Сложил ладони на животе, почесав большим пальцем, запястье левой руки, прикрыл газа. Малыш секунду поколебавшись, плюхнулся рядом, толкнув Максима в локоть, но затем, будто застеснявшись, чуть отодвинулся, подтянув исцарапанные коленки и обхватив их руками.

– Если ты такой большой, то почему тебя зовут Малыш?

– Ну, это же давно так стали звать, когда я ещё был совсем маленький. Мама никак не назвала. Не успела. А отцу, видать, всё равно было. Так и звали Малыш, потом привыкли, никто уже не удивляется.

– А ты хотел бы, чтобы у тебя было имя? Ну как у всех? – Максим приоткрыл один глаз, покосился на Малыша, но тот не заметил – смотрел куда-то вдаль, словно мог видеть сквозь стены, а скорее, никаких стен вовсе не замечал.

– Я бы хотел, чтобы мне имя придумала мама. Наверное, хорошо, когда у тебя есть мама. Вон Суслику у Конрада прекрасно, а он, как только можно, кода родители трезвые, домой бежит, торопится. И совсем другой становится. Я не знаю, как объяснить, он и улыбается чаще, и как бы выше становится. Вообще-то мама у Суслика хорошая, добрая, только уставшая всё время и какая-то грустная. Редко улыбается.

– А Конрад часто улыбается?

– Да ты чего, он совсем не улыбается. Он такой... такой... серьёзный, нет, суровый. Но это только на вид. А на вид мужчина и должен быть суровым и даже грозным, чтобы всем сразу видно было, что стоит держаться подальше. Не то что ты. – Малыш легонько ткнул Макса в бок.

– А чего я?

– Ну, – смутился малыш, – вырядился как девчонка: штаны синие, рубаха красная, ещё шляпа на голове.

– А я думал красиво, – Макс приоткрыл глаза, обвёл взглядом свою рубашку, искоса глянул на Малыша.

– Ну, красиво. А где же суровость? За версту видно, что ты наивный и беззащитный, ты цель для любого шустрого да проворного. Выпусти тебя на базар даже в центральном районе, и ты живо лишишься всего, и хорошо, если живым уйдёшь.

– А вдруг, я очень даже опасный и хитрый.

– Ага!

– Вдруг, я нарочно так оделся, чтоб никто не догадался, а сам замышляю страшное злодейство.

– Ага, – малыш хихикнул, – уж ты, как раз, страшный злодей.

– Вот, даже ты не догадался, – произнёс Максим зловещим завывающим голосом, – сейчас поймаю тебя и съем, – и повернулся к Малышу.

Малыш со смехом и визгом откатился от Макса.

– Не поймаешь никогда!

Макс вернулся к прежней позе.

– Чего тебя сейчас-то ловить, вон костлявый какой. Сначала я буду тебя откармливать, станешь ты толстый, ленивый, неповоротливый, как бегемот. Вот тогда и поймаю.

– У, это не скоро случится, – засмеялся Малыш, – пока можешь откармливать. Я сейчас вернусь, – и выскользнул за дверь.

Максим напрягся и, обернувшись через плечо, выглянул в щель между досок. Щёлка была узкая, и видно было очень мало, но Макс разглядел, что Малыш не ушёл далеко, отбежав на десять шагов и почти уткнувшись лицом соседний дом, стоя спиной к Максиму, Малыш начал торопливо расстёгивать штаны. Макс улыбнулся и, отвернувшись, расслаблено закрыл глаза.

Малыш вскоре вернулся, сел рядом с Максимом и, зевая, сказал:

– Ты уже начал меня откармливать. А может, я не против, чтобы так и было, – слова его становились всё тише, – до тех пор, пока ты не решишь, что я достаточно толстый, как...

– Я бы рад тебя откормить, Малыш, но я должен идти дальше... – Макс скосил глаза в сторону Малыша, но тот уже спал, доверчиво прислонив голову к плечу Макса. Молодой человек замер, боясь пошевелиться, и снова закрыл глаза.

Малышу вновь снились цветочные холмы, разноцветные бабочки, стрекочащие кузнечики. Толстый шмель долго кружил вокруг Малыша, гудя то в одно, то в другое ухо. Малыш чувствовал – не ужалит. Трава и цветы цеплялись, щекотали голые коленки и пахли летом, солнцем, облаками, дальними таинственными странами, невероятными приключениями. Малыш так глубоко вдыхал, что у него начала кружиться голова и он, повернувшись, раскинув руки, смеясь, повалился на самой верхушке холма и разглядывал редкие белые облака.

Вот Линда улыбается Малышу и машет ему своим голубым платком. Вон то облако словно конь со всадником. Всадник пригнулся к гриве, поджал ноги к седлу. Торопится, видно, по важному делу, друзьям на помощь. И конь мчится во весь опор, грива и хвост выются по ветру, копыта выбивают по мостовой бравый марш. А вот это облако, как огромный белый кузнечик: сидит на травинке, выставив вверх острые коленки и расправив усики, будто прислушивается к маршу, выбиваемому лошадиными подковами. А вон... вон там, там облако похоже на Конрада, только здесь у него обе ноги, и он приплясывает в такт этого марша.

Облака текли, меняли форму: Линда отвернулась, кузнечик ускакал в траву, вот и конь уже исчез, унеся с собой и весёлый марш, а всадник вдруг встал прямо перед Конрадом во весь рост. Молодой, высокий, и Малыш вдруг угадал – это Йозеф, и Конрад узнал его, спешит к сыну, чтобы обнять после долгой разлуки. А вместо марша слышна совсем другая музыка. Нет. Песня! Это Йозеф поёт:

*Споёмте, друзья, ведь завтра в поход
Уйдём в предрассветный туман.*

И всё в небе смешалось, Малыш бросился вслед, протянул руки к ускользящему Конраду, но не успел: облака рассеялись лёгкой дымкой тумана. Малыш вздрогнул и проснулся. Сердце колотилось как барабан, провёл по щеке тыльной стороной ладони – там было мокро. Он вскочил и выбежал на улицу.

Максим, стороживший сон Малыша и сам едва задремавший, ничего не понял и выглянул всё в ту же щёлку. Малыш, на крыльце отвернувшись, тёр глаза кулаками и шмыгал носом, его плечи вздрагивали. Максим почувствовал, что в груди рядом с сердцем словно образовалась дыра, в которую сунули тяжёлый неровный булыжник и крутят его там, он поспешно отвернулся и сел как до этого Малыш, обхватив колени руками. Этот незнакомый мальчишка, о существовании которого Макс не подозревал ещё вчера, вдруг заставил его страдать и беспокоиться: «Что будет дальше? Как я смогу теперь спокойно уйти и оставить всё, так как есть? Забыть эту встречу и этого малыша, которому так грустно и одиноко?»

Хмурый Малыш вернулся в дом, не забыв запереть дверь на крючок. На лице у него не было никаких следов недавнего происшествия, только глаза были слегка красноватые. На Макса он старался не смотреть.

– Хочешь? – Максим, протянул мальчишке флягу, – там осталось немного воды.

– Давай, – Малыш, всё ещё не глядя на Макса, взял флягу и сделал несколько глотков. – Извини, кажется, я все выпил. – Теперь он посмотрел Макс в глаза, протягивая флягу. Взгляд его был хмурым и с вызовом.

– Ничего. Мне не надо, – Макс бросил флягу рядом с собой на тюфяк. Помолчали.

– Это был просто сон, – сказал малыш через некоторое время.

– Страшный?

– Пф! – Малыш фыркнул, – вот ещё! Нет, это был хороший сон.

– Понимаю.

Малыш икоса посмотрел на Максима, тот выдержал взгляд спокойно, не отводя глаз.

– Сначала весёлый, а потом... потом грустный, но хороший.

– Расскажешь?

– Нет, – быстро и как-то резко ответил Малыш, потом смягчился, – ну, может, позже. Я сейчас не хочу вспоминать, – и Малыш как-то подозрительно часто заморгал и отвернулся.

– Конечно не сейчас, – заторопился Максим и подумал про себя: «Вот, болван бесчувственный!»

– Может, лучше ты расскажешь, куда тебе так срочно надо?

– Извини, Малыш, может быть тоже позже.

– Как хочешь, – Малыш равнодушно пожал плечами, но его глаза выражали явное недовольство.

– Пойми, это может быть опасно. Прежде всего, для тебя.

– Я не боюсь.

– Конечно. Ты очень храбрый мальчик. А вот я боюсь. Боюсь, лишние знания могут тебе сильно навредить. Я доверил бы тебе всё что угодно, если бы это касалось только меня. Но здесь опасность может грозить всем, кто знает хоть крупицу. Каждое лишнее моё слово преумножает беды для тебя, я не могу и не хочу рисковать не собой, другими. Такое уже случилось! Из-за меня, из-за моих неосторожных слов, пострадали посторонние ни в чем неповинные и вообще непричастные люди. С тех самых пор мне кажется, что каждое моё действие, и даже каждое слово – это тот выбор, который может повернуть всю мою или чью-то судьбу. Каждый шаг, каждая секунда – это твой выбор, за который ты отвечаешь. Не знаю, понимаешь ли ты меня?

– Я понимаю, – тихо сказал Малыш. Отвёл глаза, и нарочито глядя мимо Максима, сказал, – я не требую от тебя никаких подробностей. И не вправе требовать доверия к себе, я его не заслуживаю.

– Ну что ты, Малыш!

– Нет, не заслуживаю. Времени у нас много, и я хочу рассказать тебе, Максим, одну историю.

Мальш задумался и надолго замолчал. Максим терпеливо ждал.

А в мыслях Мальша невольно снова и снова крутились слова незнакомой песни, которую пел Йозеф. Слова на неизвестном чужом языке, но такие вдруг понятные, будто он знал их всегда. Услышь он хоть ещё одно слово на том же языке, Мальш наверняка ничего бы не понял, а смысл этих простых, странно звучащих слов рождался сам собой. Мальш вдруг осознал, он может, конечно, то же самое сказать на своём языке, но это вызывает в нём недовольство, протест, странное чувство исчезнувшей сказки, горечь и пустоту. А память о том, как песня звучала во сне, о том, как был счастлив Конрад, как был счастлив там сам Мальш, осталась с ним и будила странную радость. И эта радость почему-то давила на грудь, сжимала горло и наливалась глаза нежданной влагой. Мальш раньше и не знал, что радость и грусть могут так неразделимо слиться вместе и так вдохновлять, и одновременно мучить.

Но даже мучения были странными, противоречивыми. От них хотелось избавиться и не хотелось ни в коем случае забыть или потерять. И снова:

*Споёмте, друзья, ведь завтра в поход
Уйдём в предрассветный туман.*

«Нет. Нет, только не сейчас. Нужно отвлечься», – ещё немного и пришлось бы снова прятать глаза, или пуще того, бежать на улицу. Нельзя же плакать при людях. Даже Конрад давным-давно не видел его слёз, кроме того дня. И откуда теперь их столько, мальш понять не мог. Ведь были и проблемы, и обиды, и унижения, и боль, и страх (который Мальш прятал основательней всего), и не было никаких слёз. А тут песня. Песня! Хотя Мальш понимал, что не только песня тому причиной. И странное место, и странный донельзя незнакомец, и непонятные сны, вдруг зарядившие чередой, и этот разговор о выборе и ответственности – всё это сыграло свою роль. И ещё история, которую он собрался рассказать. Все ручейки стеклись в одну реку и прорвали плотину, которую старательно возводил Мальш в своей душе. Что поделаешь, видать, она была не слишком прочна. Придётся строить новую плотину, нельзя же так жить – чуть что и сразу в слёзы, как дитё малое или девчонка. Да. Как девчонка! Точнее, девочка. Да, именно о ней и будет история. Мысли мальша, наконец, оставили недавний сон и углубились в воспоминания, он тихо, словно через силу, стал рассказывать.

В тот день его послали в южный район, присмотреться к разным домам. Не отыщется ли богатый особняк, где хозяева временно в отлучке. Вызнать какова там охрана, сколько людей проживает вместе. В общем, обычное дело – найти дом, подходящий для ночной кражи. Мальчишки лучше всего годились для такой работы, и им платили за это неплохо, в зависимости от успешности предприятия и количества добычи. Мальша приглашали на такие дела неохотно – Конраду криминальную информацию никогда не доверяли, считали его слишком честным, что в старом районе служило плохой репутацией. В этот раз Мальша просто предупредили, чтобы Конраду – ни слова. Он и сам бы не стал рассказывать об этом занятии, понимал: Конрад будет вне себя, узнай он о том, чем мальчишка зарабатывал на жизнь.

Мальш не хотел обманывать старого учителя, не хотел его огорчать и злить, но деньги были нужны. Очень нужны. О жителях ограбленных особняков Мальш почти не сожалел, да и, честно говоря, не особо думал. А если бы думал, то решил бы, что они сами во многом виноваты – помнят только о своём богатстве. Вон как с Конрадом, например, поступили: он их детей всю жизнь учил, может и сами у него учились, а пришла беда и никто не помог. Пожалуй, Мальш был одним из немногих, кто искал себе хоть малейшие оправдания. Большинство

жителей старого района, промышленявших кражами и грабежами, считали это вполне естественным и даже почётным делом.

Как бы там ни было, а Малыш отправился в путь. Это было совсем не просто. Полицейские в южном районе своё дело знали и вряд ли оставили бы без внимания оборванца, болтающегося у приличного особняка. Многоэтажные дома со множеством квартир, мало подходили по причине большого количества свидетелей и скромной добычи. Жители этих домов были не в пример беднее хозяев собственных резиденций. Нужно было выискивать такие дома, где соседи были подальше, а деревьев и кустов поблизости было побольше. Так, чтобы можно было незамеченным подобраться к дому (или хотя бы к саду, окружающему дом). Иногда укрытием могли служить стены, заборы или даже пустующие дома (такие встречались и в южном районе).

Малыш бывал, конечно, в южном районе, в основном подальше от центральных улиц, пробирался вдоль глухих заборов, вдоль стены, отделяющей южный район от западного, где дымили и гудели многочисленные фабрики. Укромных мест было много, если бы не местные мальчишки. Они, правда, боялись связываться с пацанами из старого района, но, если ты был один, а их много – это могло кончиться (и зачастую кончалось) побоями. И Малышу доставалось несколько раз, но дело есть дело.

В тот памятный день он свернул на улицу, на которой никогда прежде не бывал. И тут же увидел полицейского, шагающего по другой стороне, у поворота в переулок. Хорошо, что он шёл прочь и был спиной к Малышу. Мальчишка, пригнувшись, шмыгнул в кусты, плотно растущие вдоль забора и покрытые множеством розово-белых мелких цветков. Кустарник оказался колючим, и несколько свежих царапин добавились к старым ранам на руках и ногах Малыша. Забор, к которому приник Малыш, был высоким, но редким, сквозь просветы между старых досок был виден недостроенный трёхэтажный дом из красного кирпича под красной же черепичной крышей. Вернее, здание было почти достроено, стены и крыша, как уже заметил Малыш, имелись в наличии и полной исправности, а вот окон и дверей не было и в помине – вместо них проёмы закрывали деревянные щиты, обитые посеревшим от времени, облезшим местами, картоном. Слуховое окно под самой крышей и вовсе было открытым, и его, судя по множеству следов, облюбовали голуби.

Малыш лизнул свежую царапину на руке. Было бы удачей пробраться туда внутрь, можно наблюдать сразу за двумя улицами (дом стоял на углу), и самому быть скрытым ото всех любопытных глаз. Но Малыш не спешил. Пустой дом интересовал уж точно не его одного, местные мальчишки не могли оставить без внимания это замечательное место. И верно, вон там, во втором окне на первом этаже, щит не приколочен, а только прислонён. А вон там, в дальнем углу забора, явно разводили костёр в вырытой ямке, прикрыв для верности несколькими кирпичами, чтобы не заметили с улицы. Все следы довольно старые, а это и хорошо, и плохо. Хорошо, если мальчишкам надоело лазать по пустому дому, и они нашли место поинтересней для своих игр. И плохо – долгое отсутствие может заставить соскучиться по такому чудесному месту и побудить вернуться в любой момент.

Пора было действовать. Пчелы, кружившие вокруг сладко пахнувших цветков на кустах, кружили уж слишком близко от Малыша, и он всё плотнее вжимался в забор. Полицейский, дойдя до следующего перекрёстка, не ушёл дальше, а стоял там, заложив руки за спину, лениво покачивая дубинкой на его запястье и рассматривая полосатую кошку, спящую на ветке дерева. И малыш решил, осторожно прижав руками уши, он просунул голову между досок забора и, выдохнув посильнее (хотя этого и не требовалось), протиснулся на другую сторону.

Теперь нужно пробраться в дом, кусты были невысоки, а большие промежутки в заборе давали довольно уверенный обзор. Позади участка и справа имелись соседи, но дома их были пониже, а их заборы выше и плотнее, так что взглядов от них Малыш не очень опасался. Но спереди, где в заборе имелись ворота, закрытые намотанной ржавой цепью с большим висячим чёрным замком, и слева, где у забора прятался Малыш, была открытая улица. И с улицы, и из

домов на другой её стороне вид открывался предостаточный, и этот гад, полицейский, никак не желал убраться с глаз долой.

Малыш, пригибаясь, почти на четвереньках пополз вдоль забора позади дома. Высокой травы вдоль ограды росло много, возможно, она его скроет, жаль только, было много и крапивы. Он переметнулся за дальний угол дома и прижался к стене, почёсывая обожжённые крапивой колени. Осмотрелся. С этой стороны двор зарос ещё больше. Раскинули листья огромные лопухи, лебеда, всё та же крапива, акант расставил свои рассечённые листья, пыльно-зелёная полынь тянулась вверх, желтели головки цветов осота. И вот она удача! Подвальное окно, загороженное от посторонних взглядов зарослями зелени, оставалось открытым.

Малыш лёг на землю и осторожно заглянул в окошко, прислушался, принюхался, подождал, пока глаза привыкнут к темноте. (После яркого солнечного света перед глазами плавали разноцветные пятна.) Развернулся, распластался на животе, стараясь не ободрать колени, засунул ноги в окно, потом пролез дальше и повис, пытаясь удержаться за край окошка. Локти больно резал нижний срез проёма, а до пола он так и не достал, и болтал в воздухе босыми ногами. Нужно было решать: вверх или вниз. Малышу стало страшно – вдруг он не сможет выбраться из этого мрачного подвала, но в этот момент одна рука соскользнула, и мальчишка сорвался вниз.

Больно ударило по пяткам и Малыш, не удержавшись, сел прямо на пыльный пол, оказавшийся, к счастью, гораздо ближе, чем ему пригрезилось со страху. Малыш поднялся на ноги, потёр ушибленное место и вытянул руку – до края окна он доставал, если хорошенько подпрыгнуть, наверное, сможет выбраться. Теперь можно заняться и делами.

Внутри дома было пусто. Ну, то есть совсем пусто. Не было не только мебели, но и отделки и даже дверей – голые кирпичные стены. Кое-где лежали стопки кирпичей, да местами строительный мусор. И, к удивлению Малыша, не было и никаких следов других мальчишек, то ли их не привлек абсолютно пустой дом, то ли они не смогли сюда влезть, или испугались, но в пыли на полу следов не имелось. А вот от Малыша следы оставались и довольно заметные. Малыш потоптался и вернулся обратно к подвальному окошку, затем ступая точно по своим следам, вновь пришёл на первый этаж. Если кто-то будет изучать следы, увидит, что он вернулся и вылез обратно в окно.

На второй этаж Малыш лез по перилам, чтобы не оставлять следов на лестнице, затем так же на третий и по приставленной к люку лестнице вылез на чердак. Возможно, это были излишние предосторожности, но так спокойнее. На чердаке и впрямь было полно голубинового помета, но Малыш по дороге подобрал в куче мусора дырявый старый мешок. Этот мешок очень пригодился, Малыш расстелил его на полу, лёг и осторожно высунулся из слухового окошка. Это была неудачная точка для наблюдений – солнце светило прямо малышу в лицо и мало того, что мешало смотреть, так ещё и освещало его на тёмном фоне окна, так могут и заметить. Малыш поднялся, подобрал мешок и пробрался к другому окошку. Вот тут всё было в порядке. И солнце не мешало, и Малыш в тени, и улица как на ладони: несколько красивых, ухоженных, явно богатых, трёхэтажных домов.

Особенно вот этот. С четырёхскатной черепичной крышей, высокий, большой особняк с белёными стенами. Парадный вход, вероятно, вёл на соседнюю улицу, зато Малыш видел двустворчатую дверь с частым переплётом, забранном разноцветным стеклом, красиво сверкавшим под солнечными лучами. Дверь была распахнута, а проём завешен лёгкой прозрачной занавесью, слегка колыхающейся на сквозняке. Дверь эта вела из дома в сад, огороженный высоченным забором да не деревянным, а кирпичным с острыми штырями, торчащими вверх. Правда, в заборе была калитка, и Малыш отсюда, издали, не смог разглядеть её запоров и замков.

Сам сад тоже был примечателен. Плодовые деревья, цветы, всё было посажено очень ровно, как по линейке. Либо хозяин (или хозяйка) очень любили работать в саду, либо (скорее

всего) тут имелся садовник. В углу сада пристроилась небольшая, можно сказать, крошечная беседка, вся скрытая в зелени. Посреди сада, у выложенной камнями дорожки, имелись качели, накрытые зонтиком от солнца, а рядом маленький круглый столик на одной ноге. На столике стояли стаканы с остатками чего-то разноцветного и вазочка. Что в ней Малыш разглядеть уже не мог, да и не хотел – он с утра ещё ничего не ел. В общем особнячок, конечно, богатый, только дома кто-то есть, да и слуг полно наверняка.

И малыш приступил к изучению других коттеджей. Так прошло два часа. Полицейский давно ушёл, улица оставалась пустынной, в окнах домов никто не появлялся, и Малыш рискнул высунуться наружу чуть дальше, чтобы разглядеть ещё одни хоромы: больше – не меньше. Осмотрелся и спрятался обратно. Не стоит лишний раз отсвечивать. Скорее всего, придётся сидеть тут и ночью и выбираться под утро, так проще и безопаснее, только есть охота.

Вдруг из заросшей зеленью беседки в сад не спеша вышла девочка. Малыш отпрянул от слухового окна, следя за ней одним глазом. Она остановилась возле столика спиной к Малышу, перебирая стаканы. Малыш выругал себя за беспечность, нужно было думать, что в беседке может кто-то скрываться, хорошо, что она его не заметила. Он чуть вытянул шею, разглядывая нежданную помеху. Девочка была в белом лёгком платье с небольшими редкими синими цветами, в белых гольфах, на шее был повязан голубой тончайший полупрозрачный платок. Светлые волосы выбивались из-под шляпки торчащими в разные стороны прядями. «Красивая, наверно», – подумал малыш, почему-то на девочку было приятно смотреть. Малыш положил руки на край окна и, упёршись в них подбородком, невольно улыбаясь, смотрел на юную хозяйку дома.

Она ещё немного постояла, у столика, легонько толкнула качели, отчего те свободно, без скрипа, неторопливо закачались. И в момент, когда Малыш уже совсем расслабился, забыв о своём положении лазутчика, она вдруг резко обернулась и посмотрела вверх на него. Ему показалось, что девочка смотрит прямо ему в глаза, он растерялся и не сразу отодвинулся от окна. «Может, не заметила. Кажется, я попался. Что делать? Я был в тени, она не могла меня видеть! – мысли скакали, словно лягушки на болоте, быстро, но в разные стороны. – Выглянуть, посмотреть, что она делает? А если смотрит сюда? Или спускаться вниз и удирать? Если она позовёт взрослых, могут и поймать, но могут и не поймать, а если буду прятаться, может ей не поверят, решат, что почудилось и дом проверять не будут, а может и будут. Где здесь можно спрятаться? Можно в трубе». – В трубу дымохода Малышу лезть совсем не хотелось. Да и укрытие выходило не слишком надёжным.

– Я тебя видела, вылезай, – голос снизу звучал, казалось, прямо за слуховым окном.

«Бежать!» – Но вопреки своим мыслям Малыш присел ещё ниже и даже голову руками закрыл. Увы, это не могло помочь.

– Вылезай, или я позову полицейского, – голос был тонкий, но решительный.

«Ещё не позвала?! Попался, как последний-распоследний дурак!» – Малыш поднялся, отряхнул мусор, прилипший к коленям, и осторожно посмотрел в окно. Сад у дома на другой стороне улицы был пуст, только качели продолжали тихонько покачиваться.

– Я жду ещё минуту.

Малыш даже вздрогнул и высунул голову из окна. Девчонка стояла внизу почти у самого дома и, придерживая рукой шляпку, задрав голову, смотрела прямо на Малыша. Она была одна и в правой руке держала бинокль. Малыш аж застонал от досады, она успела рассмотреть его из своей беседки во всех подробностях. Малыш задумался, могла ли она в бинокль видеть, что было в глубине чердака, и даже слегка покраснел, потом решил: не могла, даже с биноклем. Хорошо только, что одна, никого не позвала – может, удастся договориться. Но надежды было мало, по своему опыту Малыш знал: с девчонками трудно договориться, придётся наврать с три короба.

– Чего тебе? – тихо отозвался Малыш.

– Спускайся сюда, не будем же мы кричать на всю улицу, – она тоже снизила голос.

– Вот ещё! Чего тебе надо?

– Спускайся, а то привлечём внимание полицейского, он не ушёл далеко.

– Я его не боюсь, – Малыш видел сверху, что полицейского поблизости нет, но он мог быть на соседней улице.

– Я видела, как ты прятался от него в кустах! – девчонка помахала биноклем и добавила, нарочно повывисив голос, – спускайся, ты сам привлекаешь к себе лишнее внимание.

– Не кричи. Я иду, – буркнул Малыш.

Сбежать было ещё можно, но, если она поднимет шум, его могут перехватить на границе района. Проходов в старый район не так много, рядом всегда полиция, путь между старым и южным районом – всегда риск, а тут... а ведь он не один сегодня в поисках. Начнётся шум, облава – все пострадают. Малыш спустился на первый этаж тем же путём, и стараясь не оставить следов (мало ли что), добрался до окна. Того самого окна, которое он ещё с улицы определил, было только прикрыто, но не заколочено. Отодвинув преграду, Малыш высунул голову в окно и, осмотревшись, (высоковато!) спрыгнул на землю. Не удержался и упал на четвереньки, оцарапал левую ладонь об острый, торчащий из травы осколок кирпича.

Девчонка тут же вышла из-за угла, поджидала, должно быть. Малыш поднялся, отрянул ладони и стал хмуро разглядывать царапину. Девчонка тоже взглянула, но осталась стоять молча. На вид она была постарше Малыша, но в девчонках он не разбирался. Он глядел искоса, стараясь скрыть интерес. Она оказалась и в самом деле красивой – Малышу понравилась, особенно её голубые глаза, почти такого же цвета, как платок на её шее. Малышу показалось, что глаза её были очень большими, и сейчас они прямо и не моргая, разглядывали его. Это его смутило.

– Ну, – грубо начал Малыш, не торчать же здесь молча вечно, – чего тебе?

– Пойдём со мной, – решительно сказала девчонка и повернулась уходить.

– Ещё чего!

Она обернулась, и ни слова не говоря схватила Малыша за его грязную, покрытую старыми и новыми царапинами руку и повела за собой. Малыш растерялся и даже забыл упираться, а потом с удивлением понял – он не хочет сопротивляться и очень хочет пойти с этой странной девчонкой. Нет! Девочкой. И будь что будет.

Рядом с запертыми воротами пустующего особняка обнаружилась маленькая открытая калитка. Калитка в сад девочки тоже оказалась распахнута настежь, лишь пройдя в неё, она отпустила руку Малыша и пошла к беседке, а он послушно следовал за ней.

– Садись, – указала на скамейку у самой дальней стенки беседки.

На скамейке в углу лежала книга, заложенная ближе к последней странице розовой длинной лентой. На обложке, накренившись на правый борт, расправил наполненные ветром паруса трёхмачтовый фрегат. Малыш узнал книгу о морских приключениях. Малышу она нравилась, и он прочёл её дважды, стараясь не показывать Конраду – тот, видя корабли, становился грустным. Малыш пристроился рядом с книгой.

– Я сейчас, – девочка быстро вышла. Малыш испугался. Но бежать теперь было поздно и глупо. А быть может, наоборот, глупость – остаться и не воспользоваться моментом. Но Малыш ждал. Если до сих пор не позвала полицию или слуг, то авось и обойдётся. Нужно готовиться к худшему, а надеяться на лучшее, так всегда учил Конрад.

Девочка вернулась одна. Принесла два стакана с темным виноградным соком и корзинку со спелыми красно-жёлтыми некрупными яблоками.

– Ешь, – поставила еду на скамейку и снова ушла.

На этот раз она отсутствовала чуть дольше и появилась с маленькой сумочкой и стаканом воды в руках. Достала из сумки пузырёк с тёмной жидкостью и бинт. Схватила малыша за руку и повернула ладонью к себе.

– Дай посмотрю!

– Ничего не надо, – Малыш попытался вырвать руку, но девочка держала неожиданно сильно, и вырваться не удалось.

– Не дёргайся, – она полила на ладонь водой, потёрла кусочком бинта. Не отпуская ладонь малыша, свободной рукой поболтала жидкость в пузырьке и, вытащив пробку, стала прикладывать её влажный край, к свежей, налившейся кровью царапине.

– Уффф! – зашипел малыш и опять попытался выдернуть руку и опять безуспешно. Ладонь щипало.

– Уже почти всё, – и девочка стала дуть на ранку. Боль ушла.

Она крепко забинтовала ладонь и, лишь убрав в сумку свои медицинские принадлежности, села напротив. Посмотрела – мальчик не тронул ни сок, ни яблоки, напонила:

– Ешь.

– Мне надо идти.

– Ешь, не бойся, тебя здесь никто не тронет.

– Я и не боюсь, – огрызнулся Малыш.

– Я верю. Но здесь ты можешь не опасаться. Слуги не зайдут сюда, пока я не позову, а отца нет дома.

– Ага, а твоя мама?

– Мама умерла два года назад.

– Извини, – Малыш быстро взглянул на девочку и вновь опустил глаза.

– Ничего. Ты же не мог знать. Возьми, пожалуйста, яблоко.

Малыш, поколебался и, взяв яблоко, держал его в руке, глядя на пол беседки.

– Линда, – девочка спрыгнула со скамейки и, прихватив подол пальцами с двух сторон, чуть присела. Затем спокойно уселась обратно и вопросительно уставилась на мальчика.

– Малыш, – буркнул он, потом поколебался и, встав, вытянувшись ровно, наклонил голову. Он был начитанный мальчик и имел представление о правилах приличного поведения. Вот опыта приобрести не успел. Лишь сев на скамейку, он вдруг подумал, как глупо выглядит, представляясь: «Малыш». Какой он для неё малыш, она ему почти ровесница.

– Очень приятно... – она чуть запнулась, – Малыш.

– И мне, – буркнул Малыш, и добавил, глядя в пол, – очень приятно.

– Прости, пожалуйста, это не очень вежливо, но позволь задать тебе один вопрос.

Малыш слегка поморщился Ну к чему все эти «простите, пожалуйста, и можно спросить» это только в книжках хорошо. Хочешь так спрашивай. И он молча кивнул.

– Тебя все-все так и зовут Малыш?

Малыш снова кивнул.

– И учителя?

Малыш поднял голову и посмотрел на девочку удивлённо. «Ах, ну да. Гимназия!» Снова глаза в пол:

– Я никогда не ходил в гимназию.

– А родители?

– Я сирота.

– Ой, прости, пожалуйста, – щеки Линды слегка порозовели. Она замолчала, не зная, о чём говорить.

– Это ты читаешь? – Малыш мотнул головой в сторону книжки, всё так же глядя себе под ноги.

– Эту книгу? Да, я.

– Нравится?

– Нравится! – с вызовом ответила Линда, высоко подняла голову и гордо смотрела на Малыша. – А что, скажешь, если девочка, так мне не годится про море читать, или я в этом ничего не понимаю?

– Я ничего такого не сказал, – украдкой поглядывая на Линду (разозлившись, она стала ещё красивее) ответил Малыш, – хорошая книжка. Я два раза прочёл.

– Ты умеешь читать? Ой.

– Я сказал, что не ходил в гимназию, – Малыш надулся и, отвернувшись, стал смотреть сквозь зелёные заросли вьюнка, – а не то, что я круглый дурак.

– Я такого тоже не сказала, – Линда виновато, улыбнулась. Малыш кивнул, сморщившись, выдал нечто вроде ответной улыбки.

Оказалось, Малыш зря так боялся Линды. С ней было очень интересно. Она прочитала множество книг, вела себя очень просто, почти как обычный мальчишка. Только лучше любого знакомого Малышу мальчишки. Они обсуждали книги, море, город, гимназию (о которой мальчик имел весьма смутное представление) и всё-всё на свете. Пили сок, опустошили корзину с яблоками, потом ещё одну. Малыш забыл, зачем он здесь. Темы для разговора рождались одна за другой легко и естественно. Вопрос, которого Малыш ждал со страхом, вопрос о том, что же он делал в пустом доме напротив, вопрос на который Малыш так и не придумал достойного правдоподобного ответа, этот вопрос так и не прозвучал. Да и других вопросов о жизни Малыша больше не было, за что тот был искренне благодарен. Время шло, тянулось, ползло, а Малышу казалось, промелькнуло совсем незаметно.

А потом вход в беседку накрыла тень, Малыш дёрнулся, но было поздно, в беседку заглянул мужчина и Малыш понял, он пропал окончательно – это был судья.

Месяц назад малыш попался на краже в городской библиотеке. Да, именно так. Брать книги в библиотеке, как все, он не мог – он не имел ни денег, ни документов. Тем более не мог купить книгу в книжной лавке у Четырёхглазого Вилли. В библиотеку же вход был свободный, и некоторые редкие книги были выставлены в шкафах под стеклом, ещё не доходя до конторки библиотекаря. Книги были обворожительны. Толстые, с золотыми обрезами, с тиснением на переплёте, с удивительными птицами и животными на разворотах, со знакомыми и ещё больше неизвестными названиями и авторами. Даже через стёкла шкафов от них шёл притягательный запах свежей типографской краски. Малыш подолгу стоял возле витрин, его не гнали прочь. Сейчас ему было стыдно, очень стыдно, но тогда он не удержался, полез в шкаф и был пойман за руку прямо на месте преступления.

Бить, как ни странно, не стали, но сделали хуже – вызвали полицию. Те, продержав Малыша до утра (накормив ужином), и ни о чём не спрашивая, отвели в суд. Вот тут Малыш перепугался не на шутку. Это что же, в тюрьму?! Или в колонию для малолетних преступников?! Судья долго его рассматривал, перекалывал бумажки из стопки в стопку, спросил, как зовут, и, не удивляясь, кивнул, услышав ответ. Затем спросил, кому Малыш хотел продать книгу. Малыш, еле сдерживая дрожь в коленях, (хотел ответить дерзко, но получилось очень тихо) сказал, что продавать не хотел, хотел почитать.

Судья поморщился, нашёл на столе книгу, раскрыл её, полистал, чиркнул карандашом и передал через пристава Малышу.

– Прочти, где отмечено.

Малыш, дрожащим голосом, но очень бойко начал читать:

– Кража городского имущества, карается лишением свободы на срок от трёх до семи лет. – У малыша перехватило горло, и он сглотнул.

– Пристав, заберите у него книгу, а то и эту утащит. Захочет почитать. Хотя эта ему нужнее, – пошутил судья.

Но Малышу было не до смеха. В ушах шумело, в глазах плавали красные пятна. Он с трудом держался, чтобы не сесть прямо на пол посреди зала суда.

– Так. Этого книголюба выпороть и выгнать вон, – велел судья приставу. – А вы, молодой человек, – он отвёл взгляд от бумажки и упёр его в Малыша, – запомните, попадёте мне в другой раз, отправитесь в тюрьму.

Малыш часто закивал, ещё не веря своему счастью. Порка – это просто мелочь по сравнению с семью годами тюрьмы. Не так ли?

Месяц, прошедший с этого памятного события, прошёл для Малыша трудно. Он преодолевал страх, перед каждым походом в другие районы. Просил милостыню (это у него всегда получалось не слишком хорошо, подавали скудно), а когда рука сама тянулась к чужому имуществу, в ушах сразу звучал грозный голос судьи: «Запомните!» Малыш помнил. Но также видел – Конрад молча и исподтишка стал меньше есть, отдавая Малышу свою еду. Этого Малыш допустить уже не мог. Будь что будет.

Конечно, на городское имущество Малыш больше не покушался, себе дороже выйдет. Он стал таскать продукты с лотков на городском базаре. То там прихватит две большие картошки, то здесь стянет красный помидор да луковицу. Главное, чтобы полицейского не было поблизости, а хозяева лотков, если и поймают, будут бить, в полицию не сдадут. Этот вариант Малыша вполне устраивал.

Именно потому Малыш согласился на этот поход в разведку – ведь закон напрямую он не нарушал, а мог заработать денег, которые были так нужны. Теперь это не казалось такой уж удачной идеей.

– Привет, папа, – обрадовалась Линда.

– Добрый день, – Малыш опустил глаза и постарался незаметно вжаться в дальний самый тёмный угол беседки.

– Добрый день, – судья прищурился.

Заглянув с улицы, прожариваемой ярким солнцем, в полутёмную укрытую листвою беседку, он ничего не мог разглядеть. Он шагнул внутрь и чуть в сторону – пропустить больше света в проём входа. Пригляделся. Малыш, не поднимая глаз на мужчину, тяжело вздохнул.

– А, – узнал Малыша судья, – книголюб. Линда, я хотел бы с тобой поговорить. Наедине. – И вышел из беседки.

– Ничего не бойся, – Линда пошла вслед за отцом.

Малыш был по-настоящему расстроен. Нет, он не боялся. Он не хотел, чтобы Линда узнала, что он вор. Раньше его это ничуть не беспокоило, ведь большинство его знакомых занимались тем же, и не считали это недостойным (кроме Конрада, пожалуй). И воровал он не ради удовольствия, а только по необходимости. Он никогда не стеснялся этого раньше и никогда не жаловался на жизнь и судьбу. Богатых всегда считал жадными удачливыми бездельниками, от которых не убудет, у них и так жизнь словно мёд. «Что изменилось?! Что сделала с ним эта девчонка из богатой семьи, которая не знала ни голода, ни горя. Ах, нет, – её мама умерла! Да всё равно! Её жизнь никогда не сравнится с моей. Мне вовсе не нравится так жить, у меня выбора нет!» – и понял – он врёт сам себе.

Примером был Конрад. Да, Конрад никогда бы не опустился до кражи, может, только если бы это был вопрос жизни и смерти, да и то не его собственной. Малыш вдруг понял, что Конрад часто говорил об этом, о чести, о совести, да только Малыш его не понимал или не хотел понимать. И вот расплата – сейчас судья расскажет дочери о том, что он вор, как его пороли, что ему грозит, и она прогонит его. Не это страшно, пусть прогонит. Отчего-то страшно, что Линда о нём будет плохо думать.

Линда вернулась и с интересом посмотрела на Малыша.

– Почему ты не сказала, что твой отец городской судья? – Малыш пошёл в атаку, чтобы скрыть свою досаду.

– Ты не спрашивал. И какая разница?!

– Есть разница!!!

– Да в чём же?! Разве мы плохо провели время? Тебе было здесь плохо? Разве не ты говорил полчаса назад, что хотел бы прийти ко мне в гости ещё раз? – в глазах Линды заблестели слезы. – Ко мне и так никто не ходит.

– Прости, Линда, – Малыш смутился и отвёл глаза, – я просто растерялся. Ты тут не виновата, ты мне очень понравилась. – Сказал и только потом, поняв, что он сказал, густо покраснел. Помолчал и добавил: – Мне лучше уйти.

– Откуда ты знаешь моего папу?

– Разве он не рассказал?

– Нет. Он только спросил, где мы познакомились. Я сказала, что на улице. Это ведь правда, мы познакомились на улице возле того дома. А он просил быть поосторожней в выборе друзей. На что я ответила, что всегда осторожна, и сама решаю, кто может быть моим другом.

– Спасибо.

– За что?

– За то, что назвала меня своим другом, но ты же понимаешь, где такой как я мог познакомиться с твоим отцом.

– Догадываюсь.

– Это тебя не беспокоит?

– Меня это расстраивает.

Помолчали.

– Ответь, только честно, почему ты не позвала полицию или отца, когда увидела меня в том доме?

– Честно? – переспросила Линда, Малыш кивнул. – Честно, здесь очень скучно. Я почти всё время провожу одна. Читаю, больше нечем заняться. Даже на прогулки отец меня одну не отпускает. Или с ним, или с охраной из полисменов. А охрана не может сопровождать меня каждый день. Увидев тебя в том доме, мне стало очень любопытно, что ты там делаешь. Приключение. Ты понимаешь?

Малыш вновь кивнул, и задал новый вопрос.

– Тогда почему ты не спросила меня об этом? Ну, о том, что я там делал?

– Ну, – Линда говорила медленно, словно через силу. – Сначала я хотела спросить. Потом я боялась обидеть тебя, боялась, что ты сразу уйдёшь. А потом я поняла, что мне почти всё равно, что ты там делал. Захочешь – расскажешь сам.

– Я, – Малыш проглотил ком вставший в горле. – Я следил за богатыми особняками. – Признаться оказалось очень трудно, и он почти выкрикнул: – Я искал дом подходящий, чтобы его обокрасть!

Линда долго молчала, и Малыш встал, собираясь уйти. Конечно, кто из приличных людей захочет общаться с вором.

– Ты хотел обокрасть наш дом?

– Нет. Я... Мне... Я должен был только найти подходящий дом. – Малыш снова сел, у него подгибались колени.

– Ты член банды? – Линда уже не стеснялась задавать вопросы, но смотрела как бы мимо Малыша.

– Нет. Мне обещали заплатить за эту работу?

– Работу?! Ты называешь это работой? Это подло! – она почти закричала на Малыша, вскочила на ноги, гневно глядя на мальчика.

– Я не могу пойти работать на фабрику! Меня не возьмут, я ещё слишком маленький. А мне и Конраду нужно есть и хорошо бы каждый день. Ты хоть раз не ела хотя бы два дня?!

Мальш тоже разозлился, его щеки покраснелись. Он тоже встал навстречу Линде, сжал кулаки.

Линда отшатнулась и вдруг сев на скамейку отвернулась и заплакала. Мальш растерялся.

– Линда. Линда, не плачь, пожалуйста. Перестань.

– Я такая глупая, – сквозь слёзы проговорила Линда, – я ничего не знаю и не понимаю.

Она вытерла щёки ладонями.

– Постой. У меня же есть... – Линда вскочила и бросилась к выходу.

– Линда, стой! – что-то в его голосе заставило девочку остановиться. – Если ты хочешь предложить мне деньги, то я не возьму!

– Но почему?

– Как ты не понимаешь. Мне стыдно воровать. Да, стыдно. Но взять деньги у тебя я не могу. Если возьму сегодня, значит возьму и завтра. Ты не можешь кормить меня, пока я не вырасту, а я не могу жить за твой счёт. Я мужчина.

– Ох уж эти ваши мужские штучки, – очень серьёзно сказала Линда, на её ресницах блестели слезы – ты упрямый, как мой папа.

– Мне действительно лучше уйти.

– Хорошо, Мальш. Но сначала дай мне одно обещание.

– Какое?

– Пообещай, что придёшь в гости ещё раз. Когда сможешь.

Линда смотрела Мальшу прямо в глаза. Он глаза отвёл и буркнул – хорошо. – Потом поднял глаза и, глядя на Линду твёрдо, сказал: – обещаю.

Мальш, начав свою историю борясь с самим собой, к середине разошёлся и рассказывал, ничего не скрывая и не смягчая слов, но тут задумался и опять надолго замолчал.

Максим, слушавший до этого не перебивая, решил на реплику:

– Это хорошая история. Почему ты так ругаешь себя за неё?

– А она ещё не закончена. Ты не видишь, но ещё в самом начале я сделал свой выбор. Неправильный выбор, но изменить его уже нельзя.

Мальш опустил голову и продолжил свой рассказ.

Покинув дом судьи, Мальш, не спеша, прячась от внимания вечерних патрулей, пробрался в старый район. Настроение его было странным. Встреча с Линдой радовала его (пусть даже её отец судья), но задание он не выполнил и, более того, не собирался, просто не мог выполнить. Да лучше он умрёт с голоду, чем будет теперь заниматься подобными делами.

Мальш добрался до дому. Конрад чинил свой костыль: намазал клеем резиновую набойку, аккуратно приложил на место и крепко прижал.

– На кухне есть варёная картошка, пойдешь поесть.

– Спасибо, Конрад, лучше съешь её сам, я знаю, ты не ел сегодня ничего. А я уже сыт. Мальш сел возле Конрада, прижался к его плечу.

– Знает он! Я уже поужинал, и это твоя половина.

– Нет, правда, Конрад, я ел и не хочу больше, а если оставишь – испортится.

– Где это ты ел? – подозрительно спросил Конрад. – Опять стащил чего-нибудь? Голос Конрада стал тихим и ласковым:

– Послушай, Мальш, даже если тебя не поймали, кража губит тебя. Мы можем с тобой жить без всего этого. Ну, пожалуйста, я прошу тебя.

– Я сегодня опять встречался с судьёй.

Лицо Конрада побелело, он выронил костыль, Мальш быстро его подобрал.

– Да всё в порядке, честно, не переживай.

В этот момент дверь открылась от удара ногой, и в дом вломился один из подручных Белоглазого по кличке Гвоздь. Прозвали его так за то, что таскал он всегда с собой большущий острозаточенный гвоздь, который использовал при грабеже и разбое вместо ножа.

– Эй, ты, – Гвоздь посмотрел на мальчика, – выйди, базар есть.

Конрад встал, но незванный гость развернулся и покинул дом.

– Что у тебя с ним за дела? – Конрад в сердцах стукнул костылём об пол, ещё не присохшая набойка отлетела в сторону.

– Конрад, пожалуйста, не сердись. Я больше не буду иметь с ним никаких дел. Я ему так сейчас и скажу. Поверь мне.

И Малыш вышел из дому, оставив Конрада печально качать головой. На улице совсем стемнело, и мальчик не сразу разглядел стоявших за углом бандитов во главе с Гвоздём. Он нехотя приблизился ко взрослым.

– Ну, ты нашёл чего-нибудь?

– Нет.

– Ой, мне кажется, ты не стараешься, – Гвоздь говорил, противно растягивая слова, и Малыша передёрнуло от отвращения. Гвоздь усмехнулся, приняв это за проявление страха. – Ты что же, хочешь меня подвести?

– Нет, я ничего не нашёл.

– Завтра пойдёшь опять.

– Нет, завтра я не могу.

– Я разве тебя спрашивал? Я его спрашивал? – он повернулся к друзьям, те заржали. Глаза бандита сузились. – Я сказал, завтра пойдёшь опять. – Он снова сменил тон. – Мы с тобой договаривались. Мы тебе денег обещали, а ты брыкаешься, не уважаешь нас, ай как нехорошо.

– Я больше не пойду, и денег мне ваших не надо! – Малыш почти кричал, стараясь скрыть страх и отвращение.

– Кажется, ты забыл, с кем ты говоришь, – тон гвоздя стал ещё более приторным. – Перед тобой, щенком, здесь солидные люди. Завтра пойдёшь опять, а не выполнишь – пожалеешь. Пошёл вон. И он с силой толкнул Малыша, тот отлетел, но на ногах удержался, развернулся и, не споря, бросился в дом.

– Что там случилось? – Конрад стоял возле самой двери.

– Я сказал ему, что больше не буду иметь с ним никаких дел, – уныло сказал Малыш, – я ведь тебе обещал. Но, кажется, нас ждут из-за этого неприятности.

– Что с тобой случилось сегодня?

– Я познакомился с девочкой.

– Ты говорил о судье, – напомнил Конрад.

– Так я о том и говорю, – и Малыш рассказал всё без утайки, начав с того, зачем он отправился в южный район.

По ходу рассказа Конрад всё больше мрачнел.

– Почему ты такой недовольный, Конрад? – обиженно спросил Малыш. – Мог бы и порадоваться за меня, я нашёл нового друга, и собираюсь завязать со всякой уголовщиной. Разве ты не этого хотел?

– Именно этого, и очень рад за тебя, но ещё больше за тебя боюсь.

– Боишься?

– Разве ты не знаешь, как относятся к городскому судье в нашем районе?

– Знаю, конечно, но ведь он судья. Он сажает и даже кого-то приговорил к повешению. Я помню. Разве его за это должны любить? И при чём тут это? Сам судья меня интересуется очень мало.

– Конечно, Червонцу, который семнадцать человек убил, нужно было вместо виселицы за его преступления миллион дать и дом у моря подарить. И ты, конечно, уверен, что это именно судья виноват, что Червонца повесили, а вовсе не он сам.

– Ты прав, Конрад, как всегда прав, – уныло сказал мальчик, – но так думаешь только ты. Судью все ненавидят. Да я и сам боялся его и... И сегодня он не стал мне милее, но я не желаю ему никакого зла. Вообще-то он отнёсся ко мне довольно мягко и Линде ничего не сказал. Возможно, он сам не так уж плох, и у него замечательная дочь. Но при чём тут я? Ты сказал, что боишься за меня.

– Ты не знаешь? Белоглазый давно ищет возможности отомстить судье. Если хоть кто-то узнает о том, что ты мне рассказал...

Дверь снова распахнулась от удара ноги, и ухмыляющийся Гвоздь вместе с двумя подручными ворвался в дом. Двое тут же оказались рядом и схватили Конрада и Малыша сзади за локти.

– Узнает. Конечно, узнает. – Ухмылка на лице бандита заставила Малыша задрожать. – Ты чего, сямка, мне фуфло гонишь? «Ничего не нашёл... Никуда не пойду...». Ты кому пургу гнать вздумал?!

Гвоздь приблизился вплотную к Малышу.

– Где дом судьи? Скажешь быстро, я ещё и заплачу, я сегодня добрый. – Бандит, державший Конрада, засмеялся.

– Какой судья? Откуда мне-то знать? – Малыш постарался выглядеть удивлённым.

– Ай-ай-ай. Как нехорошо обманывать старших. – Гвоздь коротко без замаха ударил Малыша в живот.

Второй бандит удержал бросившегося на помощь Конрада и снова рассмеялся. Малыш согнулся и закашлялся, но его тут же дёрнули вверх и опять заставили стоять прямо. Малыш молчал.

– Нехорошо заставляешь дядю Гвоздя ждать.

Малыш успел увидеть приближение татуированного огромного кулака, и в глазах вспыхнул фонтан искр, голова дёрнулась и свесилась на грудь. Малыш шмыгнул носом и увидел, как красные капли расплываются на майке.

– Да пошёл ты, ублюдок! – Малыш сплюнул.

В это раз Малыш даже не увидел удара и потерял сознание. Когда он очнулся, увидел Кровь уже на лице Конрада, рванулся, но держали его крепко.

– Гвоздь, мальчишка очнулся.

– Отлично. Ну-ка взгляни на своего дорогого Конрада. Ты же не хочешь, чтобы ему было больно?

– Молчи, Малыш! – это Конрад.

Гвоздь ударил учителя по лицу.

– Расскажет. Он мне всё расскажет. Только можно быстро и просто, а можно долго и мучительно. – И он снова ударил.

Малыш почувствовал, как из глаз по щекам побежали тёплые капли.

– Отпусти его, он тут не при чём! Он ничего не знает.

– Молчи, Малыш! Со мной всё в порядке.

– Зато ты знаешь. Поделись, и я его тут же отпущу и тебя отпущу. Всё зависит от тебя.

– Я не знаю ничего.

– Опять врёшь. – Удар. – Я же всё слышал. Мне нужен только адрес. – Снова удар.

– Молчи, Малыш!

– Так, я уже запарился, – Гвоздь все время сбивался с обычной речи на жаргон, – пора с этим кончать. А может его кончить?

Он вытащил свой знаменитый гвоздь и приставил к горлу Конрада.

– Он мне не нужен, он ничего не знает, ты сам сказал. Тебе решать жить этому калеке или...

– Оставь его!

– Или не жить. Решай скорее, я уже устал.

– Стой! – выкрикнул Малыш, – Я расскажу.

– Говори!

– Не надо, Малыш, – Конрад хрипел, пытаясь отодвинуться от острия гвоздя, по шее стекала струйка крови.

Малыш, опустив глаза, бесцветным голосом назвал адрес. Конрада тут же отпустили, он с трудом опустился, почти упал на стул. Малыша всё ещё держали сзади за локти.

– Замочить бы вас обоих, – спокойно сказал Гвоздь, – но думаю, мне будет приятно рассказать вам, что же случилось с судьёй и всей его семьёй (Малыш с ужасом подумал о том, что грозит Линде).

Он направился к двери, но проходя мимо Малыша, обернулся, и мальчик вновь успел увидеть мелькнувший кулак, перед тем как потерять сознание.

Очнулся он, лёжа на кровати, попытался вскочить. Его удержал Конрад, который укладывал ему на лоб влажную тряпку.

– Лежи.

– Но, Конрад.

– Лежи! – учитель был непреклонен. – Голова не кружится?

– Кружится. Мне надо идти.

– Сейчас тебе надо вот это.

Конрад поставил рядом с кроватью старое мятое ведро.

– Зачем, – Малыш закашлялся, и его стошнило в умело подставленную ёмкость.

– Вот за этим, – Конрад говорил с трудом. На лице синяки, губы опухли, правый глаз почти заплыл. – У тебя сотрясение мозга.

– Конрад, миленький, мне нужно бежать, предупредить судью. – Малыш опять заплакал.

– Сейчас два часа ночи. Ты был в обмороке несколько часов и сейчас не сможешь никуда добраться. Успокойся, Малыш, – Конрад погладил мальчика по голове, – они не сунутся туда без подготовки, у нас ещё есть время.

– Прости, Конрад, – малыш всхлипывал, – это я во всем виноват.

– Не плачь, Малыш, нет смысла сокрушаться об этом. Теперь нужно думать, как можно всё исправить, а для этого тебе понадобятся силы. Ты должен заснуть, я разбуду тебя рано утром.

– А как же ты?

– Со мной всё нормально, только синяки, они скоро пройдут.

Малыш не мог заснуть довольно долго, Конрад не отходил от него ни на шаг.

Старый учитель разбудил мальчика на рассвете. Малыш встал, его качало, он, держась за стену, двинулся к выходу. На этот раз путь в южный район к дому судьи занял больше трёх часов. Малыш прятался ото всех, оглядывался, не следят ли за ним. Не идут ли бандиты. Два раза его стошнило, один раз он сидел минут десять у стены, успокаивая головокружение, ждал пока исчезнут черные звёздочки, мельтешившие в глазах. Добравшись до заветной улицы, он увидел впереди прогуливающегося полицмена. «Хорошо, значит пока всё спокойно, – вздохнул он с облегчением, – и плохо – он меня не пропустит». Но прятаться он не стал. Малыш чувствовал, что силы его заканчиваются, и он может просто упасть и не будет сил подняться. Он пошёл прямо к дому.

– А ну стой, оборванец. Куда это ты собрался?

– Мне нужно к судье.

– А мне нужен миллион. Пошёл прочь.

– Мне надо.

– Ах ты, маленький мерзавец!

Полицейский попытался схватить Малыша за плечо. Малыш пнул его по голени, извернулся и бросился бежать из последних сил. За ним хромал полисмен.

Малышу повезло. Линда качалась на качели в саду. Платье на ней было совсем другое, но голубой прозрачный платок всё также был повязан на шее.

– Линда, Линда.

– Малыш? Эй, сержант, отпустите его, мальчик пришёл ко мне.

– Но, юная леди, это же оборванец, бандит.

– Это мой друг! Вам, сержант, не следует судить только по внешнему виду!

– Я должен буду доложить Вашему отцу.

– Конечно, сержант, делайте, как велит вам долг.

– Если что, я буду рядом, – буркнул сержант, отпуская Малыша и окинув его тяжёлым взглядом.

А Малыш стоял на ногах только потому, что держался за решётку калитки. Линда быстро открыла калитку и подхватила его под руку.

– Что с тобой случилось? – она с ужасом рассматривала Малыша: синяки, закапанную кровью майку.

– Линда, мне очень нужно поговорить с твоим отцом. Срочно!

Она не стала задавать вопросов, и Малыш был ей благодарен, он вдруг понял, что придётся сказать ей, что он её предал. Он дёрнулся как от боли. Линда взяла со столика маленький бронзовый колокольчик, и вскоре в сад вышел пожилой слуга.

– Помогите мне скорее. Этого джентльмена нужно проводить к отцу в кабинет.

Слуга молча кивнул и подхватил Малыша под другую руку. Малыш старался идти быстро, но сразу за порогом дома его ноги подогнулись, и он чуть не упал. Линда охнула, а слуга подхватил мальчика на руки и понёс на второй этаж. Линда постучала в тёмную массивную прочную дверь и сразу открыла её.

– Пожалуйста, опустите меня, – попросил Малыш и встал на ноги.

Судья сидел за большим столом, заваленном книгами и бумагами и, хмурясь, смотрел на вошедших посетителей.

– Ваша честь, мне нужно с вами поговорить по очень срочному делу.

Малыш выпрямился и смотрел судье прямо в глаза.

Судья кивнул слуге, тот поклонился, вышел и закрыл за собой дверь. Судья указал Малышу на стул, но тот помотал головой и остался стоять. Судья пожал плечами.

– Я должен признаться в... – начал Малыш, – я бы хотел поговорить наедине. – Он оглянулся и мельком взглянул на Линду, показалось, что её ресницы дрогнули.

– Линда, ты не оставишь нас?

– Если ему что-то угрожает, я хочу знать, – Линда уселась в мягкое кресло в углу кабинета. Судья посмотрел на неё строго, перевёл взгляд на Малыша и развёл руками.

– Ну, пусть. – Малыш обречённо опустил голову. – Я должен признаться. Я подвёл Вас. Я предал Линду. – Малыш сглотнул. – Вы, конечно, знаете бандита по кличке Белоглазый, это глава самой сильной и влиятельной банды в старом районе. Вы должны его помнить, Вы дали ему пятнадцать лет.

Судья нетерпеливо кивнул, и Малыш продолжил:

– Он очень давно хочет отомстить Вам, а теперь его люди узнали, где Вы живёте. Узнали от меня! – последние слова мальчик почти выкрикнул.

Судья резко встал, потом сел. Встал снова и вышел из кабинета. Линда молчала, а Малыш боялся оглянуться. Судья вскоре вернулся, он уже выглядел невозмутимым, как всегда.

– Я надеюсь, ты понимаешь, к чему может привести твоя несдержанность? – он говорил ровным тоном без эмоций, и от этого Малышу было ещё тяжелей. – Ты понимаешь, что это может стоить жизни и мне, и Линде?

– Папа, ты же видишь, его били. – Малыш услышал, как Линда тихо всхлипнула за его спиной.

– Я понимаю, – сказал Малыш, – поэтому спешил Вас предупредить.

– Почему ты в таком виде? Тебя били? Хотели знать, где я живу, а ты не хотел говорить? – судья был сама невозмутимость.

– Это не важно. Что теперь делать?

– Ответь на вопрос.

– Я ни за что не сказал бы, если бы они не угрожали убить Конрада. Поймите, – Малыш заторопился, – я никогда бы сказал, но я не мог им позволить убить Конрада. – Он снова замолчал и опустил глаза.

– Кто это Конрад? Ещё один бандит? Интересно, чью жизнь ты ценишь дороже, чем мою и Линды? (Линда охнула.)

– Не свою! А Конрад не бандит. Не всё, кто живёт в старом районе бандиты.

Судья хмыкнул.

– Да! – разозлился Малыш. – Конрад честный человек, лучший из всех. Он был учителем. Вам до него далеко.

– Постой. Конрад, который был учителем в городской гимназии лет пятнадцать назад? – судья не отреагировал на дерзость.

– Да.

– Я слышал, он долго болел и умер.

– Болел, да, ему отрезали ногу, но он до сих пор жив. Во всяком случае, был жив утром, – угрюмо добавил Малыш и покачнулся.

– Сядь! – резко бросил судья и указал пальцем на стул для посетителей. Малыш, покачиваясь, подошёл к столу и сел.

– Почему он живёт в старом районе? Он был отличным учителем, я учился у него. Он был состоятельным человеком, у него был собственный дом.

– Все деньги ушли на лечение. А калеку никто не хочет брать на работу.

– Ну, хорошо, оставим это. Чего ж ты хочешь?

– Я? – Малыш удивлённо посмотрел на судью. – Ничего. Я просто вас предупредил, теперь мне нужно возвращаться. Я надеюсь, вы поставите у себя охрану.

– Поставлю. Но нам с Линдой придётся на время переехать, сегодня же. Возможно, мы ещё вернёмся в этот дом, но это произойдёт очень нескоро, и я совсем не уверен, что Линда захочет тебя видеть.

Линда промолчала, и Малыш лишь ниже опустил голову. Судья продолжал:

– Что же касается меня, то я благодарен тебе за предупреждение. Рано или поздно они нашли бы мой дом, как бы хорошо мы не прятались, а потому лучше так, когда мы знаем об этом. У меня нет к тебе претензий, а вот Линда... молодость не так снисходительна.

Линда опять промолчала.

– Ступай. Тебе надо к врачу и отдыхать.

Мальчик поднялся и пошёл к выходу, Линда молча шла следом. Они не проронили ни слова весь долгий путь, Малыш остановился у калитки, взялся за прутья рукой. Солнце пекло нещадно, и в голове словно стучали молотки.

– Линда, прости меня. – Он не смотрел на девочку. – Я виноват перед тобой. Но я не мог поступить иначе. Должно быть, мы больше никогда не увидимся, и... – Малыш сжал руки в кулаки. – Прощай.

Малыш повернулся и шагнул из сада на улицу, солнце ослепило глаза, и наступила темнота.

Очнулся Малыш в незнакомой небольшой комнатке на кровати. Спиной к нему, за столом, сидел тот самый сержант, который пытался остановить его у входа в дом судьи. Малыш сел на кровати, сержант оглянулся.

– Очнулся, оборванец? – сказано было без злобы, скорее с сочувствием.

– Где я? Я арестован?

– Пока нет. А есть за что? Будь моя воля, я бы нашёл за что.

– Где я?

– Все ещё в доме судьи. Хозяева уехали, и судья лично просил проводить тебя до дому.

Будь моя воля...

– Ты уже это говорил, – прервал его Малыш, голова у него всё ещё кружилась.

– Точно, – сержант неожиданно рассмеялся. – А ещё очень просила юная барышня. Она, между прочим, плакала, оставляя тебя под моей охраной.

– Плакала?

– У, ещё как, отец трижды напоминал ей, что они торопятся.

– Я этого не заслуживаю.

– Это точно. Будь моя воля... А, ну это я уже говорил.

– Ты, это... извини, сержант, что я тебя пнул. Я не в себе был утром.

– Да чего уж там, вижу, какой переполох ты в доме устроил. Обо мне речи не идёт. Служба такая. Ну и ты уж меня извини, парень, до дому-то я тебя проводить не смогу только до границ старого района, а то буду похуже тебя выглядеть. А ты с такими синяками далеко не красавец.

С тех пор жизнь Малыша пошла по-другому. Он чаще стал ночевать один в заброшенном районе, избегая встреч с бандитами. Изредка вечерами навещая Конрада, который вполне оправился от побоев, но сильно скучал без Малыша. Мальчик регулярно, раз в одну-две недели, пробирался в южный район к дому судьи, теперь почти пустому. (Там остался только полицейский пост.) Пробирался по ночам, после того как столкнулся с группой местных мальчишек. Без силового конфликта при встрече не обошлось. Растаскивал их все тот же сержант, он увёл Малыша подальше и отпустил по старой памяти. Малыш сам себе удивлялся – полиция защищала его от обычных граждан. По ночам было труднее и опаснее преодолевать усиленные посты на границах районов, но зато на улицах для Малыша было меньше угроз. Каждый раз, глядя на пустой, с тёмными окнами дом, Малыш не мог понять, чего в нём больше: желания, чтобы Линда вернулась или страха, что она вернётся. Пока дом оставался безлюден, а малыш начал привыкать жить совсем один.

Малыш окончил рассказ и замолчал, не в силах избавиться от воспоминаний. Молчал и Максим. И в тишине таинственная песня не заставила себя ждать:

Споёмте, друзья, ведь завтра в поход

Уйдём в предрассветный туман.

Споём веселей, пусть нам подпоёт

Седой боевой капитан.

Малыш даже не удивился, что слов стало больше. Это же песня, она должна быть длинной. И во сне её пел Йозеф, он был моряк, и песня, кажется, о море, о моряхах. Нужно будет рассказать об этом Конраду. Или не нужно? Вдруг он расстроится, он не любит упоминаний про море и корабли. И песня грустная, у меня слезы наворачиваются, а забыть её не могу:

Споёмте, друзья...

– Да, это печальная история, Малыш, и заставляет задуматься. – сказал Максим. – Рисковать жизнью одного друга, чтобы спасти другого. Я не знаю, какой выбор сделал бы сам. Мне кажется, ты поступил правильно.

– Я поступал глупо и безответственно, когда не слушал Конрада, когда воровал, когда связался с бандитами, хотя и знал, что они подонки. («Споёмте, друзья, ведь завтра в поход...»).

– Ох, Малыш, ты ещё совсем ребёнок. Ну, кто из нас способен поступать всё время правильно? Кто способен просчитать последствия своих поступков на годы вперёд?

– И что же делать? («Уйдём в предрассветный туман...»).

– Жить, – улыбнулся Максим. – Просто жить. Стараться всё делать правильно и ошибаться. Ошибаться и пытаться исправить свои ошибки. Но не бояться жить дальше. Помнить об ошибках, но не сожалеть о них попусту. Если ты ничего не делаешь, потому что вновь боишься ошибиться – это ужасно. Ты вообще не живёшь, только сожалешь. Откинь эти сожаления. Ошибки делают нас только сильнее, даже мудрее.

– Конрад говорил почти то же самое. Я опять его плохо слушал. («Споём веселей, пусть нам подпоёт...»).

– У тебя ещё много времени впереди, чтобы всему научиться. Уверен: Конрад гордится тобой, и очень за тебя переживает.

– Я не хочу его огорчать. («Седой боевой капитан...») – Мальчишка поднял глаза. – На улице темнеет, мы можем собираться.

– Нищему собраться – только подпоясаться. – Максим встал, надел плащ, закинул за спину сумку на ремнях, взял в руки шляпу. – Я готов.

– Это ты нищий? – засмеялся Малыш, хлопнул Макса по карману, там звякнули золотые монеты.

– А, – отмахнулся Максим, – это не моё, готов отдать всё любому, кому это действительно нужно.

– Да только кому действительно нужно, не всегда берёт? Так?

– Нет, не так. Ты, Малыш, не берёшь, потому что тебе это не нужно. Не помешало бы, конечно, да только для тебя есть вещи, куда дороже и важнее любых монет, вещи, которые невозможно купить.

– Деньги дают свободу. Можно жить, как хочешь.

– Да, но деньги и лишают свободы крепче любой тюрьмы. Ты разве никогда не видал людей, трясущихся над каждой монеткой, готовых за неё сделать любую гадость? Всё зависит от твоего отношения к деньгам.

– Хм, я подумаю об этом. А теперь, разговоры только шёпотом и когда я разрешу.

– Слушаюсь, командир, – прошептал Максим в ответ.

Они вышли из дома и двинулись вдоль улицы. Солнце уже село, и быстро сгущались сумерки. Максим с трудом различал окружающие дома, только силуэты крыш на фоне более светлого неба. Они несколько раз свернули, и Максим перестал ориентироваться и понимать, куда ведёт его маленький проводник. Но всё же крутил головой по сторонам, стараясь запомнить дорогу. И натолкнулся на спину внезапно остановившегося Малыша. Малыш зашипел и рукой задвинул Макса себе за спину, сам он осторожно выглядывал за угол забора. Они стояли на узкой тропинке, справа была бревенчатая без окон стена дома, слева забор, который внезапно заканчивался или поворачивал (Максим этого не видел).

Малыш обернулся и прошептал: «Дальше старый район, нужно пройти так, чтобы нас не видели».

– Тут довольно широкий проход, – так же шёпотом спросил Макс, – почему сюда никто не ходит?

– Это только если отсюда идти, – пожал плечами Малыш, – а отойдёшь, повернёшь за угол, сделаешь десяток шагов и всё – нету прохода. Обратное вернёшься и ничего не найдёшь – сплошной забор, даже этого дома из-за забора не видать. Я же говорил – заколдованное место.

Малыш обогнул угол и осторожно двинулся вдоль забора. Максим поторопился за ним, вдруг без мальчика он не сможет пройти. Они шли вдоль старого покосившегося забора и Максим начал различать то тут, то там силуэты низких домов. Кое-где светились неровным дрожащим светом окошки, слышны были разговоры.

На этот раз Максим успел затормозить и не налетел на спину внезапно остановившегося Малыша. А тот обернулся и быстро прижал палец к губам, Макс кивнул. Впереди кто-то спорил, ругался, звуки приближались. Малыш долго всматривался в темноту и прислушивался.

– Стой здесь и ни с места, – шепнул Малыш и быстро рванул в темноту.

Теперь и Максим различил группу людей. Один широкоплечий, высокий, шёл впереди и что-то негромко говорил. За ним плелись трое, покачиваясь из стороны в сторону словно пьяные, держа друг друга под руки, чтобы не упасть. Нет, вовсе не пьяные. Человек в центре был одноногий, на костылях, и он изо всех сил упирался, а двое других тащили его, зажав с двух сторон. Малыш подбежал прямо к ним, группа остановилась.

– Отпустите его! Куда вы его тащите?!

– О, какая встреча! Ты тоже пойдёшь с нами.

Бандит схватил мальчик за плечо.

– Пусти меня, Гвоздь.

Малыш попытался вырваться, пнул бандита по голени, но тот не позволил ему сбежать. Вместо этого он размахнулся и наотмашь ударил мальчика по лицу. Малыш упал.

– Не трогай мальчика, и отпустите Конрада немедленно, иначе вы пожалеете. – Максим спокойно остановился прямо перед бандитом и смотрел вперёд, будто сквозь него.

– А ты что за клоун?

– Тебе лучше не знать, кто я такой, крепче спать будешь. Делайте, что говорю, я очень не люблю повторять.

– Да, ты кто такой, чтобы мне указывать?!

Гвоздь шагнул вперёд, замахнулся и ударил Максима по голове. Вернее, попытался ударить. Максим сделал лёгкий скользящий шаг в сторону, чуть наклонившись, поднырнул по летящий кулак и подтолкнул бандита в спину. Вложивший всю силу в удар Гвоздь, не встретив сопротивления, а наоборот, получив толчок сзади, не удержался на ногах и растянулся в пыли. Он тут же вскочил с рычанием, выхватил острый длинный гвоздь и попытался ударить Максима в живот. Вместо того чтобы отступать, Максим сделал шаг навстречу, перехватил руку с оружием и неуловимо быстрым разворотом снова оказался за спиной нападавшего. Он вывернул захваченную руку и с силой дёрнул, раздался хруст и крик боли. Гвоздь упал, придерживая сломанную руку, а Максим резко ударил его сверху в висок. Бандит замер, лишившись сознания.

Всё действие заняло не более тридцати секунд. Два оставшихся головореза, Конрад и даже Малыш, всё ещё сидя на земле, смотрели на Максима, открыв от удивления рот.

– У вас ещё есть возможность просто и тихо уйти, – невозмутимо обратился к бандитам Максим.

Громилы переглянулись, оттолкнули Конрада (учитель упал) и бросились с двух сторон на Максима. Тот ждал до последнего мгновения и быстрым движением выскользнул в сторону. Бандиты врезались один в другого. Максим мгновенно развернувшись (полы плаща развевались, словно крылья гигантской летучей мыши), оказавшись позади бандитов, столкнул их лбами. Громилы, схватившись за головы, рассыпались в разные стороны. Один упал рядом с

Конрадом (Конрад успел подобрать свои костыли и безуспешно пытался подняться на ноги), и остался лежать, беспомощно махая в воздухе руками, не понимая, где он и что с ним происходит. Второй нападавший пострадал меньше, он тут же вскочил и, выхватив нож, начал надвигаться на Максима, но уже осторожней, размахивая ножом перед собой. Максим не отступал, только разворачивался на месте, следя за нападающим. Дважды стукнул бандита по руке, отбивая нацеленные удары ножа. При следующем тычке, Макс поймал руку с ножом и неожиданно пальцем другой руки ткнул бандита в горло. Тот невольно наклонил голову, прикрывая горло от удара и Максим, крепко схватив его шею, дёрнул вперёд и вниз, а руку с ножом вверх и за спину. Громила полетел вниз, пропахав носом землю, а Максим, не отпустив руку противника, резко развернулся на месте кругом – кость хрустнула, бандит заорал и лишился чувств от боли. Нож выпал из сломанной руки, и Максим ударом своего белого ботинка отправил его в темноту возле забора.

– Максим, осторожней! – закричал Малыш.

Молодой человек обернулся. Другой подельник Гвоздя очухался после лобового столкновения. Не вставая с земли, достал из кармана револьвер и дрожащей рукой наводил его на Максима. Максим рванул навстречу, по дуге уходя с линии огня. Но его опередил Конрад, успевший подняться на ноги. Конрад с размаху опустил свой костыль на голову злодея, преступник повалился навзничь, залитый кровью. Конрад тоже не удержался и снова оказался на земле.

Малыш, наконец, поднялся и поспешил на помощь учителю. Максим оглядел поле боя: никто из противников не шевелился. Он подобрал револьвер, разобрал его и части выкинул в разные стороны.

– Спасибо Вам, Конрад, Вы помогли как раз вовремя. Но нам лучше не задерживаться здесь.

– Конрад, это Максим, я тебе потом всё расскажу.

– Рад познакомиться, Вы тоже как нельзя вовремя.

Конрад протянул руку, и Максим крепко пожал её.

– Конрад, хватайте меня за шею, я понесу Вас.

– Я могу идти сам.

– Не будем спорить. От того насколько быстро мы уберёмся отсюда, зависят наши жизни. Залезайте. Малыш, прихвати костыли.

Максим подсадил старого учителя себе на закорки, и они побежали вдоль улицы, стараясь оставаться в тени. Через полчаса они добрались до границ района и остановились, прижавшись к подножью высокой каменной стены. Впереди, под тусклым фонарём, была будка полицейского поста. Малыш отправился на разведку, быстро вернулся, пошептался с Конрадом. Макс терпеливо ждал.

Конрад, опираясь на свои костыли, похромал вперёд, прямо к посту. Максим дёрнулся было за ним, но Малыш схватил его за руку и помотал головой, прижав палец к губам. Дождался, пока Конрад дойдёт до поста и заговорит с полицейским, потянул Максима за рукав вслед за собой, стараясь держаться в глубокой тени. Минут пятнадцать они пробирались среди густых зарослей кустов и упёрлись в стену. Максим в недоумении крутил головой, пока Малыш не ткнул пальцем вверх – часть стены была обрушена. Лезть пришлось довольно высоко, цепляясь за скользкие выступы камней. Ещё сложнее было спускаться с другой стороны стены в полную темноту. Потом опять Малыш тянул Макса за собой, и тот совсем потерял ориентацию. Облик города разительно изменился: их окружало множество домов, больших и маленьких, богатых и попроще, попались несколько многоэтажек. Вдоль улиц горели тусклые фонари, создавая благообразный вид.

– Теперь подождём, – шепнул Малыш, притаившись за углом невысокого запертого на всякий замок сарая. Перед сараем светил фонарь, но путники в круг света, само собой, благоразумно не совались.

– Максим, как это у тебя получилось? – спросил Малыш громким шёпотом.

– Что именно?

– Ну, там... с Гвоздём и этими двумя...

– А, вот ты о чём. Чтобы путешествовать одному, нужно учиться защищать себя и других.

– Здорово у тебя вышло! Вжух! Бац! А потом р-р-раз! Я такого никогда не видел. А почему револьвер выкинул? Он мог бы пригодиться.

– Пригодиться, чтобы убить кого-нибудь? Я не люблю оружие, Малыш.

– Ну, мало ли для чего...

Малыш помолчал.

– Максим, ты меня извини, я думал ты совсем неприспособленный, даже подшучивал над тобой, а ты нас спас.

– Не переживай, – Максим тихо засмеялся. – Я же говорил тебе, что только притворяюсь. А потом, всех спас Конрад. Если бы он чуть опоздал...

– Да, Конрад – он вообще замечательный, только отчего-то задерживается...

Где-то залаяла собака, ей ответило разноголосым лаем ещё несколько с разных сторон, Малыш тревожно оглянулся. Вскоре в свете фонаря, хромя на костылях, появился Конрад, Малыш облегчённо вздохнул.

– Пойдём. Часть дороги можно пройти не прячась. Впереди будет ещё один пост, его опять придётся обойти.

Они двигались молча. Малыш напевал про себя куплет той самой песни, повторяя его многократно. Пока всё шло неплохо: старый район остался позади, Конрад здесь, и с ним всё в порядке, а новый синяк на щеке, так это вовсе ерунда. Дело привычное. Одно точно – возвращаться в старый район нельзя. Да и наплевать. Что-нибудь придумают.

Максим начал уставать. Адреналин боя развеялся в получасовой пробежке и лазаньям по стенам. Теперь им постепенно овладевала апатия. Поскорей бы добраться до места – можно будет поесть и отдохнуть.

Конрад старался идти быстро, не задерживать молодых спутников. На это уходили все его силы. Он давно уже не так резв.

Два раза им пришлось прятаться от полицейских патрулей. Потом дворами они обогнули пост и вышли, наконец, к цели.

– Максим, вот это и есть Синяя улица, – Малыш ткнул пальцем в потёртую табличку на заборе у ближайшего дома, – видишь?

– Вижу, – Максим оглядывался по сторонам. Потом полез в карман, достал бумажку, повернул её к фонарю и поднёс почти к самым глазам. – Отсюда должен начинаться Ивовый переулок.

– Я знаю, – неожиданно вмешался Конрад, – это совсем рядом, вон туда.

Улицы были пустынные, но путники старались держаться тени, возле изгородей.

– Вот и переулок.

– Теперь надо найти Чернецкий тупик.

– Чернецкий тупик? – удивился Конрад. – Есть такой тупичок, только там нет ничего кроме стен и заборов. Туда раньше, давным-давно, выходило крыльцо дома Чёрного Капитана. Отсюда и название. А когда он умер, наследники дом его сломали да новый выстроили. Да выстроили так, чтобы крыльцо на другую улицу выходило – более богатую и престижную. Это уж лет пятьдесят тому назад было. А в тупике с тех пор с двух сторон заборы, а упирается он в стену, за которой уже фабричный район. Если кто и назвал Вам этот адрес, то он ошибся. Или пытался Вас обмануть.

- Всё в порядке. Нам как раз туда.
- Пойдёмте, – Конрад пожал плечами.

Они миновали несколько домов по Ивовому переулку, и свернули в неширокий проход между двумя глухими, высокими, выше человеческого роста, заборами. В тупике была жуткая темень, в конце не виднелась, а скорее угадывалась высоченная каменная стена, наглухо перекрывающая проход. Максим решительно направился в темноту, спутники последовали за ним. Уже в полном мраке они дошли до конца тупика.

- Сейчас, сейчас. Где же это?! А вот!
- Проходите, – Максим открыл небольшую дверцу прямо в каменной стене.

– Откуда здесь дверь? – Конрад был поражён. – Раньше её точно не было, а прорубить дверь в основании городской стены... Для этого требуется много усилий, но я не вижу смысла. Куда проще было пробраться прямо в фабричный район.

- Пойдёмте, Конрад, Малыш, вы сами всё увидите.

Путники, пригнувшись, вошли в дверь, от порога вглубь тянулся тёмный коридор. Первым, простукивая костылём пол перед собой, шёл Конрад, за ним Малыш, придерживаясь рукой за гладкую оштукатуренную стену. Максим, закрыв за собой дверь и отрезав тем самым последний источник скудного света, последовал за ними в полной темноте. Вскоре он наткнулся вытянутой рукой на плечо Малыша, мальчик ощутимо вздрогнул.

– Спокойно, Малыш, всё хорошо. Дай-ка я пройду вперёд, а ты держи меня за руку. Оп! – Максим натолкнулся на Конрада, – Конрад, мы здесь, почему Вы остановились?

- Упёрся в стену. Здесь тупик, кажется. Впрочем, я ничего не вижу.

– Всё в порядке, там есть дверь, погодите, я её открою. Малыш, держись за Конрада не отпускай его руку. Так. Вот она! Сюда. За мной, не отставайте.

За дверью вновь потянулась чернота коридора.

– Где мы? – голос Конрада в темноте был необычно глухим. – Стена не может быть такой толстой!

– Я не знаю, Конрад, я здесь впервые, – Максим явно веселился. – Может быть, Малыш объяснит, он мастер находить объяснения для подобных вещей.

Малыш, невидимый во мраке, только фыркнул.

- Осторожней, здесь ступеньки. Вот так! Хорошо! Мы почти пришли.

Максим открыл ещё одну дверь, и в непроглядную тьму коридора проник влажный воздух, наполненный ароматами хвои, смолы, травы. Все трое задышали глубже, приюхиваясь и, оставив позади узкий мрачный ход, вышли в лес. Кругом тянулись ввысь покрытые мхом стволы деревьев. Их ветви переплетались над головой, в просветах открывая чёрную бездну неба, усыпанную сияющими хрустальными осколками звёзд.

- Где мы? – по-прежнему шёпотом спросил Малыш.

– В лесу, – в тон ему прошептал Конрад, – но это абсолютно невероятно, поблизости от города нет никаких лесов.

- Никогда не бывал в лесу, – Малыш крутил головой во все стороны.

- Пойдёмте, – поторопил их Максим, – нам всем пора отдохнуть.

Мягкий мох заглушал шаги, угадываемые только по треску сучков под ногами, а жёсткий низкорослый кустарник цеплял за щиколотки, задерживая усталых путников. К счастью, идти пришлось недалеко. Совсем скоро Максим вывел спутников на опушку, посреди которой стоял большой добротный бревенчатый дом. Дом был пуст, а дверь оказалась не заперта и спустя короткое время гости сидели у растопленного камина, при свете нескольких толстых свечей.

– Сейчас никаких вопросов. Конрад, Малыш, вон в той комнате две кровати, вот вам постельное бельё. Я буду в соседней комнате. До утра всем спать.

- Я не смогу уснуть, – заспорил Малыш, – тут всё так необычно.

- Хорошо, Малыш, – улыбнулся Конрад, – пойдём, поможешь мне подготовить постель.

Когда Максим через десять минут заглянул в комнату, Малыш уже спал. Конрад прижал палец к губам. Максим кивнул и спокойно отправился отдыхать.

Малыш проснулся, когда утро давно расцвело в полную силу. Вскочил, оделся и выглянул из комнаты. Конрад сидел за столом, Максим помешивал что-то в котелке, висевшем над огнём. От распространяемого варевом запаха у Малыша заурчало в животе, но другая потребность была намного сильнее. Малыш переступил с ноги на ногу.

– Туалет там, во дворе, – махнул рукой Максим.

Малыш благодарно кивнул и выбежал во двор. Когда он вернулся, Максим и Конрад смотрели на него.

– Что? – Малыш осмотрел себя. – Что-то не так?

– Всё нормально, садись за стол, – Максим разложил по большим тарелкам сваренную с овощами и приправами фасоль. Поставил три дымящие тарелки на стол. Малыш не заставил себя упрашивать и быстро орудовал ложкой, обжигаясь и чавкая. Максим только улыбнулся, а Конрад сделал замечание: «Не спеши, Малыш, никто у тебя не отнимает, там, в котелке есть ещё».

Малыш покраснел и стал есть медленнее, но всё равно, его тарелка опустела первой.

– Положи себе добавки.

– Чего?

– Если ты не наелся, положи себе ещё. Столько, сколько хочешь.

– А вы?

– Загляни в котелок, нам втроём столько не съесть.

– Говори за себя, – Малыш заглянул в котелок и переложил оттуда значительную часть в свою тарелку.

Максим засмеялся, а Конрад грустно качал головой.

– Я не смог обеспечить тебя, мой мальчик, даже нормальной едой.

– Вы вырастили, честного и доброго мальчика, Вам не за что винить себя, – ласково сказал Максим. Малыш что-то промычал с набитым ртом.

– Куда мы теперь? – Малыш расправился с едой и собрал тарелки и ложки. – Где это можно вымыть?

– Тут есть озеро метрах в ста за домом. Нам всем не помешает искупаться, заодно и посуду сполоснём.

Зеркальная гладь овального лесного озера отражала высунувшееся над верхушками сосен жаркое солнце. Блики слепили глаза. Малыш бросил тарелки на травянистый пригорок, быстро скинул с себя всю одежду и, разбежавшись по песчаному неширокому берегу, нырнул в воду. Тут же выскочил с радостным воплем: «Холодная!». Но на берег не вылез, продолжил нырять и плескаться.

– Смотри не утони, – крикнул Конрад, – вон пузо как торчит. Перевесит.

– Не-а, я плаваю как рыба. Даже с пузом, – засмеялся Малыш, отфыркиваясь, мотая головой, вытряхивая воду из ушей.

– Да, Малыш, ты поосторожней, – заметил Макс, – здесь вода пресная в ней плавать сложнее.

Малыш тут же попробовал воду на вкус. Максим разделся и помог Конраду, вместе они осторожно вошли в воду. Конрад почти сразу сел в неглубоком месте недалеко от берега, помахал Максиму, мол, дальше сам справлюсь, и Максим нырнул, и вынырнул почти на середине озера. Поплавал взад-вперёд и направился к берегу. Он и Конрад выбрались из воды, вытерлись прихваченным Максом полотенцем и оделись. Малыш, дрожа, обхватив себя руками, вылез из озера, отмахнулся от предложенного полотенца и как был голышом, плюхнулся животом песок.

– Здесь здорово! Ну, рассказывайте, чего здесь плохого? В чём подвох?

- С чего ты взял, Малыш?
- Меня не проведёте, ты с Конрадом всё утро переглядываешься. О чём вы говорили, пока я спал?
- Какой глазастый! – покачал головой Конрад.
- Малыш, я должен буду уйти сегодня вечером.
- А как же... – мальчик не закончил, отвернулся.
- Ты и Конрад, можете остаться здесь. За домом нужен присмотр. Еды и дров тут большой запас, вода есть, и нет никого кроме вас. Могут иногда приходиться люди, их нужно приютить, накормить. Вы будете тут хозяевами.
- А ты?
- Я вернусь через некоторое время, возможно через неделю.
- Так это же здорово! Разве нет? Конрад? Максим, есть ещё что-то плохое?
- Ну, я не уверен, что это плохо.
- Говори, чего ты виляешь?
- Ты помнишь, как мы сюда добрались? Ты легко можешь вернуться в город, но, если уйдёшь без меня, нет шансов, что сможешь найти дверь в Чернецком тупике.
- Как это?
- Здесь, как ты называешь, заколдованный лес. Как я не мог выбраться из скрытого района без тебя, так и ты не сможешь попасть сюда один, без меня.
- Но как же, – заволновался Малыш, – мне нужно в город, я должен проверять... Конрад, а куда тебя тащили эти уроды? – Малыш сел на песок и требовательно посмотрел на учителя.
- Я же говорил, – печально сказал Конрад, – он очень сообразительный, я за ним не поспеваю, совсем старый стал.
- Конрад, Вам решать.
- Конрад, говори, что случилось, я же не отстану.
- Штаны надень, умник.
- Малыш поднялся, побежал к озеру, смыл с себя налипший песок, натянул шорты. Огляделся, подобрал с берега грязные тарелки тщательно вымыл их в озере и вернулся ко взрослым.
- Больше заданий не будет? Рассказывай.
- Я старался никогда не обманывать тебя, Малыш, почему же сейчас у меня чувство, что это плохо кончится.
- Да что со мной может случиться?
- Вот, точно так же говорил Йозеф каждый раз, уходя в море.
- Конрад, миленький, – Малыш бросился на шею учителю, и зашептал на ухо, – Это связано с Линдой, ведь так? Я должен её защищать, ты же понимаешь, расскажи, что случилось?
- Отстань, подлиза. Вот посмотрите, Максим, всё-таки я стал стар, этот паршивец из меня верёвки вьёт. Это не ваше влияние?
- Нет уж, увольте, – засмеялся Макс, – не приписывайте мне чужих заслуг.
- Ну, Конрад.
- Я боюсь за тебя, Малыш, но ты имеешь право знать. Белоглазый подготовил нападение на дом судьи. Я подслушивал их разговор, а меня поймали. Не гожусь я в шпионы – медленно бегая, плохо прячусь.
- Когда, Конрад, когда?
- Не волнуйся, Малыш, они сказали в воскресенье через две недели. Ещё очень долго.
- К тому же ты говорил, судья ещё не вернулся.
- Но они могут вернуться!
- Мы дождёмся, пока возвратится Максим, и сходим в город проверим. Верно, Максим?
- Ты сказал, будешь через неделю?
- Я постараюсь.

– А ты не можешь остаться? Хотя бы пока не проверим, что там, в доме судьи?

– Меня очень ждут, Малыш. Я спешу на помощь одному мальчику, которого нужно вернуть домой из чужого мира. Если всё пойдёт по плану, я вернусь, как обещал, через неделю.

– Ну, хорошо, – недовольно сказал Малыш, – мы подождём тебя.

Малыш отвернулся к озеру, подтянул колени к себе, обхватил их руками. На сердце было тревожно. Песня, затихшая было на время бурных событий вчерашнего вечера, вновь вернулась и зазвучала в голове Малыша. Слова и мелодия крутились раз за разом. В ней было всё: грусть расставания с домом, готовность пойти на всё ради близких и любимых людей, радость дружбы и многое другое. Малыш устал ей сопротивляться и начал напевать вслух:

*Споёмте, друзья, ведь завтра в поход
Уйдём в предрассветный туман.
Споём веселей, пусть нам подпоёт
Седой боевой капитан.*

– Малыш, что ты поёшь? – Максим был удивлён.

– Так. Одна песня.

– Спой, пожалуйста.

– Я плохо пою.

– Я прошу. Как умеешь.

– Ну, хорошо:

*Споёмте, друзья, ведь завтра в поход
Уйдём в предрассветный туман.
Споём веселей, пусть нам подпоёт
Седой боевой капитан.*

– Откуда ты знаешь эту песню?

– Не знаю.

– То есть как?

– Она мне приснилась, – смущённо сказал Малыш, – а ты её понимаешь? Знаешь слова?

– Что происходит? – заволновался Конрад. – Я ни слова не разобрал.

– Не знаю, Конрад, – задумчиво сказал Максим. – Мне знакома эта песня, но я понятия не имею, каким странным образом её выучил наш маленький друг.

– Максим, спой, как там дальше.

– Я много раз слышал её, но помню только первый куплет и припев.

– Давай припев.

– Подожди, как же там:

*Прощай любимый город!
Уходим завтра в море.
И ранней порой
Мелькнёт за кормой
Знакомый платок голубой.*

– Да, только так, – прошептал Малыш, – море... голубой платок.

– О чём ты, Малыш? – заволновался Конрад. – Какое море?

– Оставьте его, Конрад, – грустно сказал Максим (Малыш вопрос не заметил), – Мне кажется, мы ничего не сможем изменить. Это его судьба. К добру это или на беду, кто бы знал.

Вечером после ужина Максим собрал свои вещи – настала пора отправляться в путь. Прощались недолго. Максим пожал руку Конраду, обнял Малыша и, не оглядываясь, ушёл по тропинке в лесную чащу.

Эта неделя была самой счастливой в жизни Малыша. Он купался на рассвете, ел до отвала, гулял по лесу, осторожно исследуя окрестности дома. По вечерам беседовал с Конрадом, сидя на веранде с чашкой чая и миской с мёдом. Жизнь была почти беззаботна, Конрад назвал это время первыми каникулами Малыша. Мысль о том, что придётся идти в город, мелькала поверхностно. До этого оставалось 9 дней и до возвращения Максима неделя. Шесть дней. Пять дней. Четыре, три, два, один...

Через неделю Максим не вернулся. Не пришёл он и на следующий день. На ожидание оставалась только суббота. Малыш потерял покой. Сидел на веранде, глядя в ту сторону, куда ушёл Максим, забыв про еду и прогулки. Конрад, как мог, успокаивал мальчика, то уверяя, что Максим наверняка успеет, то утверждая, что судья не может вернуться домой так рано, то ругая его, то упрасывая. Носил Малышу еду и заставлял его съесть хоть что-нибудь. Малыш молчал, или напевал свою странную песню, слов которой Конрад не понимал.

В ночь с субботы на воскресенье Малыш сбежал. Конрад не заметил, как это случилось. Он был всё время тут, рядом, не сомкнул глаз, но Малыш исчез. На широких гладко струганных досках стола, угольком из камина было выведено кривым мальчишеским почерком: «Мне нужно идти, дождись Максима, я буду вас ждать». Конрад сел на лавку и обхватил голову руками. Уйти за Малышом? Максим не будет знать, что случилось, и потеряет время, разыскивая их. Теперь уже Конрад сел на крыльце – как только появится Максим, так сразу бежать на помощь.

А Малыш благополучно добрался до коридора. Здесь в густом лесу он начинался за добротной крепкой дверью, ведущей будто в землянку. Дверь, при отсутствии замков, открылась без всякого труда, без скрипа, лишь только Малыш потянул её на себя. Вглубь уходили ровные, удобные ступеньки. Вперёд! Медлить нельзя. Дверь позади негромко хлопнула, и он остался в полной темноте. Один в темноте. Малыш замер. Как страшно! Так и кажется, кто-то схватит или бросится из тьмы пространства. Вдруг здесь есть повороты, он может блуждать в этом странном месте, пока не упадёт от голода и жажды. А если и выберется на ту сторону, может никогда не вернуться. Если Макс не придёт совсем, он останется в проклятом городе совсем один, даже без Конрада. Но там Линда.

«Она не хочет меня видеть! – мелькнула предательская мысль, но Малыш решительно стёр её из сознания. – Ей грозит опасность! Остальное неважно. Правда, вполне возможно, они ещё не вернулись в свой дом. И я зря рискую. Почему же Максим не пришёл?! Отправиться назад, подождать его?! Судья наверняка сумеет защитить дочь. А если нет?! Там Линда! Нет, я должен! Я должен идти вперёд».

Он тихонько запел вслух:

*Споёмте, друзья, ведь завтра в поход
Уйдём в предрассветный туман.
Споём веселей, пусть нам подпоёт
Седой боевой капитан.*

«Да! – песня будто рассеяла мрак, придала Малышу сил. – Вперёд, он ждёт меня, мой поход и мой предрассветный туман. Прощай, любимый город!»

Малыш уверенным шагом, более не останавливаясь и не оглядываясь, направился в темноту. Сегодня коридор показался короче, чем в прошлый раз. Одна дверь, другая, они открылись без проблем, едва малыш толкнул их. Вот и Чернецкий тупик. Каким удушливым

показался воздух родного города, даже луна здесь выглядела тусклой и кривой. Как быстро он привык к вольности чудесного лесного жилища. Однако к делу. Теперь не спешить и не попасться, время у него ещё есть.

Путь по кустам и задворкам до дома судьи занял больше времени, чем ожидал Малыш. Ему приходилось прятаться ото всех. Полицейские были опасны сами по себе, а в каждом припозднившемся прохожем мнился член банды. Ну вот и нужный дом, тёмный, с закрытыми ставнями. Он зря так волновался, так спешил – хозяев нет дома. А вон и полицейский прогуливается на своём месте. Жаль, полицейский был другим, не тем знакомым сержантом. К тому можно было бы подойти поговорить. А этот, того гляди, отправит в каталажку или отдубасит, чтоб неповадно было шляться по ночам.

Вокруг было тихо, и всё же Малыш никак не мог успокоиться. На сердце было тревожно. Он пробрался ближе к дому и сидел в кустах у забора почти напротив калитки сада заветного особняка. Полисмен подходил ближе, разворачивался и уходил обратно вдоль улицы. И снова, и снова. Малыш пристроился прямо на земле у основания забора и тихонько дремал, пока рассвет только посеребрил воздух. Днём придётся искать другое убежище, здесь слишком заметно. Малыш твёрдо намеревался провести здесь всё воскресенье и лишь потом, если всё пройдёт хорошо, нужно будет решить, что делать дальше. Воскресенье. Конрад сказал: «В воскресенье через две недели». Как раз сегодня назначенный срок. Если они не поменяли план. И если...

Его разбудил шум, к калитке медленно подкатила крытая повозка, запряжённая невысокой каурой лошадкой. Малыш подобрался, стараясь не раскачивать ветки кустов и не шуршать листьями. «Неужели бандиты совсем обнаглели, наняли повозку для ограбления. А может быть, отобрали у возницы?» Повозками в городе пользовались редко – слишком узкие и кривые улицы. Полицейский как раз развернулся в дальнем конце улицы и направился прямо к карете.

«Его надо тоже предупредить», – и Малыш начал потихоньку вылезать из кустов.

Дверца повозки открылась, и оттуда вылезли слуга и судья. Судья обернулся и подал руку, опираясь на неё, из кареты вышла Линда. Малыш замер, тревожно огляделся: улица по-прежнему была пуста, только полицейский шёл твёрдой походкой всё ближе к повозке. «Полицейский!» – чуть не заорал Малыш (язык словно застрял во рту), сейчас при разгорающемся свете утра, он узнал его. Узнал это широкое лицо с неприметными чертами, и только глаза, эти белые глаза выделялись на нем. Полицейский ускорил шаг и, сунув руку в карман, начал вытаскивать револьвер.

– Линда! Ложись! – Малыш бросился к повозке. – Ложитесь, это бандит!

Все растерялись, только Белоглазый ускорил шаги, поднимая руку с револьвером. Раздался выстрел, и судья схватился за плечо, и сразу, путаясь в пиджаке, полез в карман, стараясь достать оружие. От дома уже бежали двое настоящих полицейских, стреляя в сторону Белоглазого, но тот был невредим и вновь потянул за спусковой крючок. Линда закричала, закрыв глаза руками. Малыш прыгнул, сбил Линду с ног, и тут же раздался второй выстрел Белоглазого. Второй и последний. Судья выхватил револьвер, разорвав карман пиджака. Пуля судьи, попала нападавшему точно в лоб, и бандит рухнул ничком. Остальные полицейские тут же окружили повозку, размахивая револьверами и прикрывая судью. Нападение завершилось: Белоглазый или был один, или его подельники разбежались, увидев незавидную участь главаря.

– Всё закончилось, – судья окровавленными пальцами, не выпуская револьвера, прижимал левую руку.

– Малыш, отпусти меня, – тихо сказала Линда.

Малыш всё так же лежал, прикрывая Линду собой.

– Малыш!

Судья потянул мальчика за плечо, Линда кое-как высвободилась и вместе с отцом хотела помочь Малышу встать. Малыш не шевелился. Позади на рваной майке, с левой стороны, медленно расплывалось тёмно-красное в неверном утреннем свете, неровное кровавое пятно.

– Малыш! Малыш! – Линда трясла мальчика за плечо. Слезы бежали по щекам и капали на лёгкий синий полупрозрачный платок.

Старый слуга проверил пульс и помотал головой. Судья настойчиво повёл в дом безудержно плачущую и вырывающуюся дочь.

Малыша похоронили на городском кладбище далеко от центральных аллей. Там, где кудрявые ветви раскидистой липы дают благословенную тень. Могилу накрыли мраморной белой плитой. Ни имени, ни дат, ни эпитафий, только чистый белый мрамор с тонкими серыми прожилками. В этот уголок кладбища редко кто заглядывает, и почти никого не привлекает безымянная могила. Только изредка появляется седой сторбленный одноногий старик в сопровождении странно одетого мужчины в плаще и шляпе. Да молодая девушка тихо плачет, поглаживая кончиками пальцев, неизвестно откуда появившуюся на мраморе надпись на чужом языке. И странные, незнакомые буквы сами собой рождают слова:

*Споёмте, друзья, ведь завтра в поход
Уйдём в предрассветный туман.*

Рыбинск, Июль 2012.

Луч солнца золотого

*Ночь пройдёт, настанет утро ясное,
Верю, счастье нас с тобой ждёт.
Ночь пройдёт, пройдёт пора ненастная,
Солнце взойдёт... Солнце взойдёт.*

Ю. Энтин

Глава 1

Чук с силой толкнул тяжёлую обитую железом дверь. Дверь заныла ржавыми погнутыми петлями, заскребла провисшим углом по бетонному полу и застряла. Из приоткрывшейся щели выскочило чёрное чудище, бросилось под ноги Чуку и, хлестнув хвостом, скрылось в темноте. У Чука дух захватило, он замер на пороге с вытянутой вперёд рукой: «Уф! Напугал!» И сразу успокоился, узнал кота соседки бабы Мани из сорок третьей квартиры. Соседский кот Яшка, существо вполне мирное, часто делил этот подвал с Чуком, сидя тихонько в углу, намытая лапой усатую морду и посверкивая жёлтыми глазами. Но сегодня и он был против Чука. Сегодня всё было против Чука. Хуже дня в жизни он не мог припомнить, ну разве только тот, когда Чук узнал, что мама больше никогда не придёт.

Чук вздохнул, втянул живот и протиснулся в приоткрывшуюся дверь не хуже кота Яшки, едва лишь чуть медленнее. Он оказался в маленькой комнатухе, освещаемой только через узкое подвальное окошко, скорее, просто дыру размером в полкирпича. В луче света мельтешили многочисленные неугомонные пылинки. Чук сел почти под самым лучом на перевёрнутый старый ящик из-под помидоров, упёр локти в колени, а голову положил на подставленные ладони. Замер, рассматривая непрерывную круговерть в истончающемся лучике солнца. Вот так и будет сидеть. А что ещё делать? Куда идти? Как показаться на улице после сегодняшнего позора? Чук снова всё вспомнил, и щеки, и уши его налились жаром.

А случилось всё так... Только Чук закончил делать домашнее задание, с радостным ожиданием побросал тетрадки и учебники в потёртую школьную сумку и выбежал на улицу, как увидел отца. Тот шёл покачиваясь, с трудом переставляя ноги, нескладно размахивая руками, глядя затуманенными глазами по сторонам. Он что-то бормотал себе под нос, мотал головой и медленно, со скоростью хромой черепахи, приближался к подъезду. Радостное настроение Чука растаяло, словно снежинка над жарким костром, он даже плюнул с досады: «Опять пьяный!» Надежды погонять мяч с пацанами, пока осенние дожди не размыли окончательно футбольную площадку возле школы, сменились привычной тоской и обидой. Отец остановился посреди двора и стал не спеша поворачиваться, силясь обойти лужу – наследницу вчерашнего ливня. Впрочем, ботинки и брюки на отце явно свидетельствовали о том, что лужи уже встречались на его пути, и сражение с ними закончилось явно не в пользу человека.

Однако проиграть сражение – не значит проиграть войну. Отец не сдавался. Медленно-медленно развернувшись, нетвёрдым шагом он двинулся по краю лужи, высоко, неловко поднимая ноги, перешагивая через грязь. У него почти получилось. Почти. И всё же он проиграл и эту битву, и этот проигрыш стал полным и безоговорочным поражением в войне с лужами и земным притяжением. Да ещё каким! Неловко шагнув, отец Чука наступил на собственную штанину и на глазах любопытствующих соседей плюхнулся в лужу. Да это было бы полбеды, не впервой. Беда в том, что наступил на штанину он довольно крепко, и пуговица на поясе не выдержала, отлетела, брюки сползли, оголив то, что приличные люди при всех не показывают.

Чук с обречённой ясностью вспомнил, как отец слабо шевелился в грязи, сверкая голым задом на виду у всего двора. Чук замер от неожиданности, растерялся. Конечно, пока заохали бабушки, сидевшие на лавочке, к отцу тут же подоспел сосед Марк Семёныч из тринадцатой квартиры, как раз вышедший на прогулку со своей болонкой Ньюшей. Сосед быстро помог отцу подняться, дёрнув его за пояс брюк и прикрыв наготу, вопреки вздорной Ньюше, которая, обляяв пьяного, вцепилась в грязную штанину и с остервенением дёрнула её вниз. Инцидент, казалось, был исчерпан, но Чук знал, он будет ещё долго темой обсуждения среди местных пенсионерок – завсегдатаев лавочек возле дома. Впрочем, мнение любопытных, любящих посплетничать местных бабушек, Чука заботило не слишком сильно, можно сказать, совсем не заботило. Но, к ужасу Чука, они были не единственными свидетелями этого необычного

события. На лавочке возле старой железной погнутой и скрипучей качели сидели три одноклассницы Чука: Светка Белова, Анька Ройтман и, главное, Юлька Лебедева. Позорное падение случилось к ним гораздо ближе, чем к самому Чуку, и теперь, девчонки стыдливо отворачиваясь, но поминутно оглядываясь, шептались и хихикали, прикрывая рот ладонью.

Чук с кристальной ясностью осознал: «завтра весь класс, да что там класс, вся школа будет знать об этом конфузе во всех непотребных подробностях». Он вдруг представил, что это он оказался без штанов перед всем классом. Чука даже в жар бросило, и он юркнул в кусты и припустил вдоль дома. Он не беспокоился. Марк Семёныч теперь отца не бросит и до дому доставит, никуда не денется. А Чук отца видеть не хотел. Он не хотел видеть никого. Одна мысль была: спрятаться ото всех подальше, а ещё лучше уехать туда, где его никто не знает. Уехал бы не задумываясь, представься такой случай. Но исчезнуть навсегда не так-то просто. А пока Чук затаился там, где скрывался уже не раз, в дальней тёмной комнатке в подвале соседней пятиэтажки.

Глава 2

Чук сидел на старом ящике в тёмном пыльном подвале с крошечным окошком. Узкий луч заходящего солнца, проскользнув сквозь оконце, пронзал темноту световым копьём прямо над головой Чука. Луч понемногу таял, истончался, и глядя на умирающий свет, Чук с горечью думал о своей нескладной жизни. Если жизнь начиналась так плохо, чего хорошего можно ждать от неё дальше, может, ему суждено только страдать? А судьба и в самом деле за тридцать лет жизни принесла ему немало горя, испытаний и неприятностей.

Впрочем, начиналось всё хорошо. Слишком хорошо. У них была счастливая дружная семья: отец – отличный автомеханик неплохо зарабатывал, вокруг него всегда крутились соседи-автолюбители. По выходным они всей семьёй часто ездили на собственной машине гулять по лесу или ходили купаться на речку. Мама работала учителем в школе, куда Чук... нет, тогда ещё Виталик Ковальчук пошёл в первый класс. Учиться Виталику нравилось, как много кругом было нового и интересного, жизнь была прекрасна, и тогда казалось – так будет всегда. Теперь-то Чук понимал, каким он был наивным и доверчивым. Той осенью на одной из прогулок мама поделилась с ним большим секретом. Сказала, что скоро у него будет маленький братик, и они заживут ещё лучше. Первоклассник Виталик заволновался, забеспокоился, стал выяснять, выпрашивать, а мама рассмеялась и успокоила его. Она пообещала, что всё будет хорошо, она скоро уедет в больницу, а вернётся уже с малышом, а ведь мама никогда не обманывает. Не обманывала. Из больницы не вернулась ни мама, ни малыш, и Виталик не сразу поверил, не хотел верить, что это уже навсегда. И пусть в этом обмане мама была не виновата, от этого было ничуть не легче, и Виталик перестал верить словам.

Потом были похороны, покрытое снегом городское кладбище, страшное карканье рассевшихся на голых тощих берёзах противных ворон. Были долгие ненужные слова о том, каким замечательным человеком и учителем была Татьяна Васильевна Ковальчук. Зачем они это говорили? Кому? Никто лучше Виталика не знал, какая она была. Он их не слушал. Он плакал, уткнувшись носом в полу отцовской куртки, а тот гладил его макушку дрожащими пальцами. Придавленный своим горем Виталик не замечал, как переживал отец, как он изменился, стал мрачным. Он привык, что мама с папой решают все проблемы. Теперь мамы не стало, а значит, папа такой умелый и сильный, безусловно, решит все проблемы за двоих. Как Чук ошибался.

Недели через две после похорон, отец с шумом ввалился домой и упал прямо в коридоре. Виталик тихо сидел в своей комнате и ничего не делал, уныло разглядывал воздушные танцы снежинок за окном. Дневник, тетради и учебники, принесённые сегодня из школы, оставались в портфеле, и надежды увидеть свет им не было никакой. Виталик уже неделю не брал их в руки. Он ел, пил, спал, ходил в школу, даже пытался читать какую-то книжку, но не прикасался к школьным учебникам. Зачем?! В школе все учителя смотрели на него с жалостью, ничего не спрашивали, только вздыхали, отец тоже словно забыл о школе. К чему делать уроки, если это никому не нужно, если нельзя порадовать маму хорошей отметкой.

Услышав шум в коридоре, Виталик выбежал из комнаты. Отец лежал на полу и не шевелился. Виталик в ужасе закрыл глаза руками и заревел, ему стало страшно: «Если он тоже умер, значит, я остался совсем-совсем один». Тут отец повернулся и что-то непонятно промычал, Виталик, размазывая по щекам слёзы и сопли, шмыгая носом, стал трясти отца, но толку не добился. «Может он заболел?» – Виталик выбежал на площадку, забарабанил в соседнюю дверь – тишина. Начал стучать в другую, открыла соседка.

– Тётя Клава, тётя Клава, там папа упал, он наверно заболел, нужно скорую помощь вызывать.

Соседка, отодвинув мальчика в сторону, быстро прошла в квартиру. «Иван Сергеевич», – потрясла она за плечо лежащего на полу мужчину. Тот опять что-то промычал. Соседка принялась и покачала головой.

– Не нужно «скорую», пьяный он, спит. Да и не удивительно, такое горе у вас. А ты, Виталий, (она всегда называла его полным именем – Виталий) пойдём, у меня переночуешь, папа твой до утра не проснётся.

– Нет. Я с папой останусь, – Виталик замотал головой, слезы высохли, и он, смущаясь, смотрел на соседку.

– Да как же, ты один, почитай? Страшно будет.

– Нет, я не боюсь. Я останусь, спасибо.

– Ну, смотри, как передумаешь, приходи. – Соседка, оглядываясь, как бы сомневаясь, ушла к себе.

Виталик принёс из комнаты плед и укрыл отца, бормотавшего что-то во сне, сел рядом прямо на пол и стал терпеливо ждать.

Проснулся он в своей постели, снегопад закончился, и в окно светило яркое утреннее солнце. На кухне кто-то гремел посудой, Виталик выпрыгнул из постели и бросился на кухню, встал на пороге. Отец, хмурый и небритый, жарил на сковородке глазунью, он оглянулся, увидел сына.

– Ты чего босиком? Оденься.

Вместо этого Виталик прошёл на кухню и устроился с ногами на табурете, опять молча уставился на отца.

– Почему ты спал рядом со мной? Почему в кровать не лёг?

– Я испугался.

– Чего испугался? Ты давно спишь один в комнате и не боишься.

– Я испугался, что ты тоже умер и я останусь совсем один.

Отец хмуро взглянул на сына и сразу отвернулся.

– Прости, я не хотел тебя пугать.

Виталик промолчал. Отец выключил газ под сковородкой, повернулся и сказал уже мягче: «Со мной всё будет в порядке».

– Она тоже так говорила, она обещала, что всё будет в порядке!

Отец подхватил Виталика на руки, крепко прижал к себе. Виталик обнял отца за шею и не выдержал, расплакался у него на плече.

– Ну, всё, всё, успокойся. – Отец гладил мальчика по голове, слегка покачивал, – я здесь, с тобой, ничего не бойся.

Глава 3

Жизнь Виталика потихоньку входила в спокойное русло: школа, продлёнка, вечера дома с отцом или в одиночестве. Отец уделял ему мало внимания, кормил, давал чистую одежду, изредка интересовался школьными делами. Они почти не разговаривали, иначе все разговоры сводились к тому, что мамы больше нет с ними. В продлёнке всех заставляли делать домашние задания, если бы не это обстоятельство, Виталик, наверное, не делал бы их вовсе. Он не перестал много читать и узнавал новое с большим интересом, но стал совершенно равнодушен к оценкам: «К чему нужны хорошие оценки, если ими некого обрадовать». Учителя в память о Татьяне Васильевне долго давали Виталику поблажки, но это не продлилось вечно, и отличник Виталик Ковальчук постепенно стал троечником.

А потом отец вновь пришёл пьяным. И опять. И опять. Виталик больше не пугался и оставлял отца спать на привычном месте – на полу в коридоре. Он научился готовить себе еду, стирать бельё в стиральной машине, гладить, мыть полы и всему, что нужно для жизни. Отец мог не пить целый месяц, исправно ходить на работу, заниматься обычными делами, но неизменно срывался и оказывался на полу в коридоре собственной квартиры. Пить понемногу он не умел и когда начинал – остановиться не мог. Угасающее в алкогольном тумане сознание, словно автопилот, приводило его к дверям своего дома и, чувствуя себя в безопасности, отключалось. Так могло продолжаться и два дня, и три, и даже целую неделю.

При подобном образе жизни он удивительно долго продержался на прежнем месте работы в автомастерской, но через год не выдержали и там. В другой мастерской он проработал всего три месяца. Больше работу найти не мог. Автолюбители, которые в прежние времена регулярно приглашали его посмотреть машину, стали захаживать много реже. Никому не нравится, если устранение пустяковой поломки может занять неделю. А те, кто не отказался от услуг Ивана Сергеевича, стали часто расплачиваться водкой. С деньгами в семье стало туго.

Сначала Иван Сергеевич продал машину, довольно старенький Фольксваген, но в отличном состоянии. Увы, этого хватило ненадолго. Тогда он обменял квартиру. Другая квартира была не меньше по размеру, но из нового дома в самом центре города им пришлось переехать на окраину. В Заречный микрорайон, на Целинную улицу. Почти сразу за их теперешним домом шла окружная дорога, по которой день и ночь сновали автомобили. Ночью это были в основном надрывно гудящие самосвалы, куда-то везущие песок или гравий от разгружаемых на реке барж. За окружной дорогой начиналось кочковатое поле, некогда принадлежавшее колхозу «Новая заря» и давно превратившееся в пустырь, поросший травой и гигантскими зонтиками борщевика. А за полем у самого горизонта темнела полоска леса, того самого, который в былые времена служил местом частых прогулок счастливого Виталькиного семейства.

Однако Виталика занимала совсем другая проблема. Приближалось первое сентября и в пятый класс ему предстояло пойти в новую школу. Новую, конечно, только для него Виталика Ковальчука, а в самом деле это было старое, ещё довоенной постройки двухэтажное здание с покатою крышей, белыми стенами и старомодным каменным крыльцом. Вид школы оставил Виталика равнодушным. Только вывеска над крыльцом была новая и гордо извещала о том, что здесь находится средняя школа номер шесть. Виталик внимательно изучил объявление на дверях школы. Первого сентября всех учеников приглашали к девяти часам на торжественную линейку, посвящённую дню знаний. Виталик узнал всё, что ему было нужно, огляделся. Справа от здания школы была площадка с турниками, лесенками и двумя вкопанными футбольными воротами без сетки. Несмотря на каникулы, на турниках занимались мальчишки, постарше Виталика, наверное, из шестого или седьмого класса. А у ворот пять человек, его ровесников, увлечённо гоняли мяч.

Виталик и в прежней школе редко принимал участие в общих играх и забавах, он предпочитал уединение с увлекательной книжкой. Живое общение больше пугало и раздражало его, чем радовало. Вот и сейчас он, выяснив всё что хотел, развернулся и уверенно зашагал к дому на Целинной улице. Домой он идёт очень уверенно, а хватит ли его уверенности при встрече с новыми одноклассниками? Виталик слышал, что новичков всегда плохо встречают, но даже если это не так, начнутся расспросы, любопытные взгляды... Он не собирался ничего о себе рассказывать, не собирался ни с кем дружить, не хотел завоёвывать авторитет. Он хотел, чтобы его оставили в покое, забыли о нём. Эх, так вряд ли получится.

Глава 4

От школы до дома было всего три квартала, но они не были столь однообразны, как в привычном, родном центре города. Здесь были и обычные кирпичные пятиэтажки, и старые двухэтажные дома со странными выступающими полукругом окнами, и строительная площадка, обнесённая посеребрившим деревянным забором. Над забором висел плакат с нарисованным красивым домом и сообщением, что сей жилой дом здесь строит СМУ номер два. Виталик поломал голову, кто же такой этот СМУ, но ничего разумного в голову не пришло. Он быстро пошёл вдоль забора, и видимая в узкие щели стройка на скорости складывалась почти в цельную картинку.

Вдруг он резко остановился, не дойдя до конца забора всего двух шагов. Он услышал голоса и, присмотревшись, через щели в заборе увидел, как довольно высокий мальчишка спорит о чём-то с девчонкой, загораживая ей путь. Они стояли в узком проходе между забором и торцом соседней пятиэтажки, а Виталик, скрываясь совсем рядом за углом, размышлял, куда бы ему свернуть, чтобы с ними не встречаться. Стоя так близко, он невольно расслышал весь спор и поморщился. Парень наседал на девчонку, спрашивая с неё деньги, схватив её за локоть. Та упиралась, ссылаясь на отсутствие таковых, и требовала её пропустить, обещала пожаловаться некой неизвестной Виталику Наталье Ивановне, дёрнула рукой, но вырваться никак не могла. Виталик оглянулся – улица была пуста. Можно скрыться никем незамеченным, но и девчонке на помощь никто не придёт.

Виталик снова поморщился, он о таких хулиганах только слышал. В старой школе его никогда не трогали и, хотя конфликты и драки между мальчишками и даже между девчонками случались, но такого наглого вымогательства он никогда не видал. И если этот жлоб так нагло себя ведёт, уж Виталика-то он точно не испугается, а кроме испуга, на что можно рассчитывать? Ведь он ни разу не дрался, как это ни смешно звучит для пацана, ученика пятого класса. «Да ничего он ей не сделает, попугает и отпустит, ну, может, мелочь отберёт – не велика беда». Виталик окончательно решил, что это не его дело, и лезть в чужую жизнь не пристало. Он выбрал проход между домами, куда свернёт, и неожиданно для себя сделал два шага вперёд, словно его в спину кто-то толкнул.

Хулиган обернулся и недовольно посмотрел на незваного свидетеля, но руку девочки не выпустил. Он был в пыльной футболке и джинсах, обрезанных до колен, в потрёпанных кедах. Теперь Виталик заметил, что мальчишка был выше его на добрых полголовы и смотрел на него недовольно и без всякого интереса.

– Чего вылупился? Видишь, люди заняты. Вали отсюда!

Мальчишка отвернулся, считая разговор оконченным. Девчонка промолчала. У неё были большие серые глаза, светло-русые волосы, борьба с хулиганом зажгла на её щеках лёгкий румянец. В руке у неё был пластиковый пакет, явно с батоном, должно быть, она возвращалась из супермаркета. «Нужно развернуться и уйти», – подумал Виталик и не сдвинулся с места. Вымогатель недовольно обернулся.

– Ты ещё здесь? Исчезни, я сказал, пока не получил.

– Отпусти её! – внутри у Виталика всё задрожало, в животе сжался комок, и он с трудом удержался и не сглотнул. Кажется, придётся драться. О драках он даже знал мало, а личный опыт ограничивался редким наблюдением со стороны. Но он помнил разбитые носы, синяки и слёзы участников. Ввязываться в такое глупое и неприятное дело Виталик никакого желания ни испытывал, и даже боялся, себя можно было не обманывать – очень боялся. Однако теперь уйти он не мог. Удрать теперь, когда его видели и этот хулиган, и девчонка (чтоб ей провалиться, неужели ей нельзя было пойти другой дорогой), было просто невозможно.

– Ты меня достал. – Мальчишка отпустил локоть девочки и направился к застывшему на месте Виталику, тот неумело поднял руки.

– Не трогай его, Спирия!

Оказывается, девчонка не сбежала, хотя теперь была свободна. «Лучше бы она слиняла!» – зло подумал Виталик, тогда можно было бы удрать и мне. Ну, хотя бы попытаться.

Удар Виталик пропустил. Он заметил, как что-то мелькнуло перед глазами, и тут же из них словно искры посыпались. Виталик отшатнулся и получил второй удар в лицо. «Как же больно!» – Виталик закрывал лицо руками и даже не думал об ответном ударе. Но его больше не били. Он отнял руки от лица. Мальчишка стоял перед ним и ухмылялся.

– Ну что, сопля, добавить ещё?

Услышав про соплю, Виталик почувствовал, что из носа у него течёт, он вытер нос кулаком, на кулаке была кровь. Он с трудом удержался, чтобы не заплакать, ресницы предательски задрожали. Тут вмешалась девчонка, она со всего размаху огрела хулигана пакетом по голове и, оттолкнув его, подошла к Виталику.

– Пошли, тебе надо умыться. А про тебя я всё расскажу, – обернулась она к мальчишке, потиравшему затылок и продолжавшему ухмыляться. Девчонка же, взяв Виталика за руку, потянула за собой, а он был в таком состоянии, что даже и не подумал упираться.

Пройдя дворами, девчонка привела его к колонке, нажала на рычаг, и Виталик смог умыться, смыть кровь с лица и рук. Кровь из носа тут же пошла снова, и он сунул лицо прямо под струю прохладной воды. Стало не так больно, но через минуту боль вернулась, хотя кровь остановилась. Он осторожно потрогал нос, тот распух, и было трудно дышать.

– Это скоро пройдёт, а вот синяк будет большой.

Виталик недовольно посмотрел на девчонку, всё ведь из-за неё. Чего ей ещё надо?

– Меня зовут Юля, – она с ожиданием смотрела на мальчика.

– Виталик, – буркнул Виталик, не глядя на неё, – я пойду.

– Я тебя провожу.

– Вот ещё! – он отшатнулся. – Я что, сам не дойду?

– Ну, как хочешь! – взгляд её серых глаз стал холодным, стальным. – До встречи. – Она развернулась и не оглядываясь пошла прочь.

– До встречи, – растерявшись в который раз за сегодняшний день, пробормотал Виталик.

Он осторожно потрогал разбитый опухший нос, глядя вслед уходящей Юле, отвернулся, злясь на самого себя, и отправился напрямик домой. Дома он прежде всего поспешил к зеркалу. «Да уж, вид ужасный. Нос опух, глаз заплывает – синяк будет». Обычно внешний вид Виталика не интересовал, но через два дня в школу, знакомиться с новым классом, с учителями... После такого знакомства трудно быть тихим и незаметным. Нос, конечно, заживёт, а вот синяк не спрятать.

Теперь сожалеть было поздно, впрочем, он и не сожалел, скорее, был недоволен своими поступками. В конце концов, если дело дошло до драки, можно было хоть попытаться врезать этому Спирию, а не стоять, как овца, и смотреть на эту ухмыляющуюся рожу. Хорошо хоть не заплакал. Виталик вспомнил всё и чуть не заплакал, на этот раз от обиды и жалости к себе. Но тут же одёрнул себя: «Прекрати, ты это уже проходил, это ничем не поможет», – и пошёл чистить картошку на ужин.

Глава 5

Когда отец пришёл вечером с работы, картошка уже сварилась, а сосиски лежали в небольшом ковшике, стоявшем на плите, наполненном бурно кипящей водой. Отец сумел устроиться на местный завод, ремонтировал погрузчики и пока работу ни разу не прогулял, чему Виталик был несказанно рад и встречал его вечерами готовым ужином.

– Это что-то новое, – отец повернул сына к свету и разглядывал боевые раны, – уверен, это не чтение довело тебя до такого состояния. Надеюсь, твой противник украшен не менее эффектными наградами?

– Зря надеешься, – хмуро отозвался Виталик, – противник ушёл без повреждений. Садись, ешь.

– Ну, что ж, – хмыкнул Иван Сергеевич, уселся за стол и взял вилку, – не каждый раз можно победить, главное стремиться и не сдаваться.

Он принялся за еду, и Виталик взял и себе тарелку, сел рядом. Некоторое время они ели молча. Они вообще нечасто и мало разговаривали.

– А что было причиной столкновения? И нельзя ли было решить дело миром?

– Да так... конфликт с аборигенами. И я на драку не напрашивался.

– Конфликт с аборигенами – это нехорошо, нам рядом с ними, с аборигенами этими, жить придётся. Да ты вроде не конфликтный совсем, спокойный, даже я удивляюсь, как терпишь.

– Зато среди них попадаются конфликтные субъекты. – Виталик потрогал опухший нос. – Но я надеюсь избегать в будущем встреч с этими субъектами.

– Ну, ну, бегать и прятаться от подобных субъектов тоже не стоит.

– Ага, а выглядеть полным дураком стоит?

– Хм, мы переехали сюда только две недели назад, а уже какие перемены... драка, эмоции. Раньше тебя не очень беспокоило чужое мнение, о том, как ты выглядишь. Или здесь замешана дама?

– Какая ещё дама? – Виталик заметно смутился.

Отец засмеялся и потрепал сына по голове.

– Ничего, дамы любят не только победителей. Когда я познакомился с твоей мамой, мне тоже пришлось драться, и я не могу назвать себя победителем в драке, хотя ему тоже досталось. Однако твоя мама выбрала меня.

Последние слова он произнёс уже очень тихо, потом встал и ушёл в свою комнату и в этот вечер не сказал больше ни слова.

Глава 6

Первого сентября, собираясь утром в школу, Виталик опять провёл непривычно много времени перед зеркалом. Синяк под глазом налился синевой, мнение о новом ученике сложится не в его пользу. Ну, и ладно, их мнение Виталика не интересовало, лишь бы не лезли к нему. Да, приготовленные заранее белая рубашка и отглаженные брюки к такому украшению не подойдут. Надо довершить образ. Он надел джинсы, клетчатую рубашку и кроссовки. Посмотрел на часы – пора.

Только погода радовала его в это утро. Солнце грело совсем по-летнему, на ясном небе ни облачка, все деревья зелёные, и никаких признаков наступающей осени. До школы он шёл по другой дороге, умышленно обходя злополучную стройку. Сегодня и так будет трудный день, незачем осложнять его себе специально. Он добрался до школы на полчаса раньше назначенного срока, как и хотел. До линейки он собирался отыскать классную руководительницу, чтобы не тыкаться ко всем классам с вопросами. Ещё не хватало мельтешить у всех перед глазами, обращать на себя лишнее внимание. Во дворе уже собирался народ. Разодетые, нарядные первоклашки с улыбающимися родителями, с цветами в руках. Девчонки с огромными белыми бантами в волосах. Кругом возбуждённый гомон. Старшекласников пока было мало, они не спешили на скучную линейку.

Виталик уверенно зашёл в школу.

– Куда собрался? – путь ему преградила худая пожилая тётка в синем халате и платке на голове. Одну руку она упёрла в бок, а второй грозно сжимала швабру.

– Мне в учительскую надо. Я новенький.

– Ноги вытирай, – уборщица сунула ему под ноги швабру с тряпкой.

Виталик тщательно вытер ноги и свернул налево от входа в длинный коридор.

– Куда, ирод, на второй этаж иди и прямо, – услышал он за спиной.

– Спасибо, – он вернулся и пошёл к лестнице, – «Вот сразу и ирод, я же не просто так гуляю, я по делу».

Виталик поднялся на второй этаж по пологой лестнице с неровными стёртыми в середине ступенями, с нарисованной зелёной ковровой дорожкой. Вот и дверь с табличкой «Учительская». Вокруг ни души. Виталик, стараясь не топтать, подошёл к двери, постоял, прислушался. За дверью были слышны голоса. Мальчишка глубоко вздохнул, собрался с мыслями и постучал. Разговор за дверью не прекратился. Виталик постучал ещё раз сильнее и, не дожидаясь ответа, открыл дверь и заглянул внутрь.

– Здравствуйте.

– Здравствуй, тебе кого? – ответил мужчина с круглым лицом и большими залысинами, одетый в костюм с рубашкой, но без галстука. Кроме него в учительской было ещё две молодые учительницы.

– Я новенький. В пятый бэ, – сказал Виталик. – Мне к кому подойти?

– Хорош новенький, – протянула одна из молодых, явно разглядев синяк на лице мальчика.

– Шрамы украшают мужчину, – весело сказал учитель. У него оказалась очень приятная улыбка, но Виталик не поддался и не улыбнулся в ответ. Стоял и ждал.

– Наталья Ивановна, – крикнул мужчина, полуобернувшись назад, – к Вам боевое пополнение.

При упоминании имени «Наталья Ивановна» у Виталика шевельнулось смутное беспокойство. Где-то он уже слышал это имя совсем недавно, но вспомнить не смог. А вот имидж его уже стал складываться не в нужную сторону – «боевое пополнение». Никакое он не боевое пополнение. Он тихий и спокойный.

– Слышу, слышу. – Из-за шкафа, стоявшего поперёк учительской, торцом к стене, вышла ещё одна учительница, не замеченная Виталиком ранее. Средних лет, с короткой стрижкой, в простых очках в пластмассовой оправе. В руке у неё была расчёска, должно быть за шкафом висело зеркало.

– Меня зовут Виталик Ковальчук, – поспешно сказал мальчик.

– Да, конечно, – она слегка улыбнулась, и на её щеках проступили ямочки, – подожди минутку, я сейчас провожу тебя к классу. – И она вновь скрылась за шкафом. Синяк она, конечно, заметила, но пока ничего не сказала.

– Боевое пополнение, – вновь обратил на себя внимание учитель – мужчина, – а Вы знаете, молодой человек, что Ваша фамилия происходит от слова «коваль», то есть кузнец. Был, значит, среди Ваших предков кузнец. А кузнец в любом селе был первый человек. Без него ни лошадь подковать, ни меч справить, да и бойцами они не последними были, так как были люди силы изрядной.

Виталик только плечами пожал, если бы это он был силы изрядной, а то неизвестный ему предок в стародавние времена. Но мужчина, кажется, и не ждал ответа, а тут и Наталья Ивановна собралась. Они вышли из школы. На площадке перед зданием классы уже начали выстраиваться в шеренги под руководством невысокой женщины с темно рыжими волосами и острым носом. Её слушались беспрекословно. И Виталик безошибочно угадал в ней директора школы.

Наталья Ивановна уверенно направилась к группе ребят стоявшей вдалеке, и у Виталика в животе сжался комок от нехорошего предчувствия. Он сразу узнал свою новую знакомую Юлю, весело болтавшую с девчонками. А вот и он... Немного отдельно, но рядом с классом стоял Спирия и с ним ещё двое мальчишек. Настроение у Виталика резко ухудшилось. Спирия пока стоял спиной к нему, но так ведь не будет продолжаться вечно.

– Здравствуйте, ребята.

– Здравствуйте! Здравствуйте, Наталья Ивановна, – радостно загомонили ученики.

– Знакомьтесь, это Виталик Ковальчук, он будет учиться в нашем классе. Вы ему пока всё расскажите, я сейчас вернусь. – И Наталья Ивановна поспешила навстречу директрисе.

– Ко-валь-чук! – нарочно растягивая гласные, противно сказал Спирия. – Ну, надо же.

– Между прочим, – вдруг неожиданно для самого себя сказал Виталик (неожиданные поступки рядом со Спирией становились плохой традицией), – фамилия Ковальчук происходит от слова «коваль», что значит кузнец. А ты отчего Спирией прозываешься? Спёр что-нибудь?

Все засмеялись. Спирия перестал улыбаться и шагнул навстречу Виталику, но его остановил за руку один из товарищей, кивнув на разговаривавших в пяти метрах от них директрису и классную руководительницу. Спирия остановился и снова ехидно заулыбался.

– Какой из тебя кузнец – коваль, из такого дохлика?! Ты не Ковальчук, а просто Чук. Весь класс снова засмеялся. Виталик равнодушно пожал плечами: «Ну, Чук и Чук. Да хоть Чук, хоть Гек, ему всё равно, лишь бы не лезли».

С того самого дня все ребята в классе, а за ними и в школе, звали его Чуком, все кроме Юльки Лебедевой, которая упорно называла его Виталиком. Он и сам привык и отзывался на это прозвище охотнее, чем на имя. И даже сам себе он иногда говорил: «Ты, Чук, сегодня молодец», или: «Ты, Чук, что-то оплошал».

Но это было уже позже, а пока школьная линейка прошла без происшествий. Всё как обычно, что в этой школе, что в старой. Привычно и скучно. Но Виталик с опаской ожидал её окончания, наверняка Спирия не простит его дерзкого выступления. И кто его за язык тянул? Ради чего, спрашивается, нарывался? Новичков нигде и никогда не встречают дружелюбно, а тут – открытое противостояние. Но после окончания линейки, Наталья Ивановна позвала Виталика за собой. В пустом классе с не выветрившимся запахом краски она села за учительский стол, а Чук за первую парту. Разговор был недолгим. Несколько простых вопросов о преж-

ней школе, об учёбе, о том, какие предметы он любит больше всего. Чук отвечал неохотно, но честно. Наталья Ивановна ему, скорее, понравилась, но откровенничать он не любил.

– Хорошо, Виталик, ты можешь идти. Увидимся завтра. Уроки у нас начинаются в восемь часов, но в класс лучше прийти пораньше.

Виталик, почти дошёл до двери, когда она его окликнула.

– А, скажи, если не секрет, откуда у тебя синяк?

– Вообще-то секрет, – сразу заскучал Чук.

– Ну, что ж... – она едва заметно улыбнулась, – у каждого могут быть секреты. – Да, чуть не забыла, сегодня я тебе ничего не сказала, поскольку, ты у нас впервые, но у нас в школу нельзя ходить в джинсах. У нас такие правила.

– Хорошо, – Чук кивнул, – я понял. До свидания.

– До свидания, Виталик.

Когда Чук вышел из школы, возле крыльца уже не было ни души. Чук огляделся, но не заметил ни Спири, ни его друзей, да и вовсе никого. А чего ж удивляться? Первый школьный день закончился, заданий на дом ещё нет. Считай, последний день каникул, и весь школьный народ разбежался догуливать – разве ж каникул может хватить, чтобы нагуляться и больше не хотелось. Чук не хотел нарываться, но почему-то не хотел и уступать. Странное чувство. Секунду поколебавшись, он отправился домой по известной дороге мимо стройки. К своему удивлению, Чук по пути Спирию не встретил. То ли у того были в тот день другие дела, то ли он не ждал, от Чука такой наглости, не верил, что Чук выберет именно это направление. Уж, конечно, искать Спирию нарочно Чук не стал. Ему хватило той маленькой победы, что он, испугавшись, выбрал самый короткий и самый опасный путь.

Со Спирей (в реальности Колей Спириным) было ещё много стычек, и Чук неизменно приходил битый, но никогда не плакал и хулигану не уступал. А потом как-то на уроках физкультуры он незаметно для себя пристрастился к игре в футбол. Его всегда ставили на ворота, и он отчаянно и без страха кидался на мяч. Его стали приглашать поиграть и после уроков, и Чук сначала нехотя, не желая портить отношения с одноклассниками, а затем со все большей охотой защищал ворота своей команды. С тех пор конфликты со Спирей закончились. Нет, Спирия не сильно интересовался дворовым футболом и не ценил Чуков вратарский талант. Зато ценили другие ребята, в том числе из классов постарше, и Спире непрозрачно намекнули, чтобы он оставил Чука в покое.

Он и оставил. Почти. То есть драк больше не было, но словесные нападки, толчки и даже тычки на переменах случались часто. Чук не обращал на них особого внимания. Это и в самом деле почти не досаждало мальчишке и не делало его жизнь хуже. У него хватало и реальных проблем. Отец всё чаще приходил домой пьяный. На работе у него начались неприятности. И вот сегодня – последняя капля. Сегодняшнее падение в лужу превысило все пределы Чукова терпения. Такого позора даже Чук не вынесет. Завтра в школу, в свой теперь уже седьмой бэ, он не пойдёт. Ни за что!

Глава 7

Чук знал, что там за стеной подвала осеннее солнце сейчас медленно опускалось за чёрную полосу леса у самого горизонта. Он ясно представлял, как красный горб закатного солнца ещё давал достаточно света. Но в крошечное подвальное окно проникал уже лучик толщиной лишь со спицу. Ещё несколько секунд и он исчезнет. Чук подумал о том, что пора зажечь свечку, чтобы не остаться в кромешной темноте. Свечку и спички он давно припрятал в том самом ящике, на котором обычно и сидел, проводя одинокое время в подвале за грустными мыслями. Чук даже потянулся за свечкой, но вдруг передумал, протянул руку и подставил палец под тоненький лучик солнца.

– Ай! – вскрикнул Чук. Палец больно кольнуло, и Чук, быстро сунув его в рот, почувствовал кровь. – Что это было? – от неожиданности он заговорил вслух.

– Ой! – раздалось в темноте.

Чук дёрнулся назад, свалился на пол, опрокинув ящик из-под помидоров. Лучик солнца погас, и в подвале настала непроглядная тьма. Чук точно знал, что, когда он пришёл, здесь не было ни души. Даже кот Яшка сбежал, а спрятаться здесь негде. Да ведь и не кот же сказал: «Ой». Дверь он за собой прикрыл, а бесшумно эту перекошенную дверь не откроешь. Однако своим ушам он тоже верил.

– Эй? Кто здесь? – голос был довольно высокий, но во тьме звучал приглушённо.

Чук, молча, дрожащими руками, стал нащупывать спички и свечку внутри валявшегося на полу ящика. Отвечать он не собирался.

– Ау! Есть кто-нибудь? – голос дрогнул.

Чук, наконец, нащупал спички. Свеча куда-то закатилась, ну и пусть. И тут Чук сообразил, что, зажёгши спичку, он тут же себя выдаст. В полной темноте его будет отлично видно с горящей спичкой в руках, а вот другого, неизвестного, сразу разглядеть не удастся. Впрочем, первый страх прошёл. Чук на четвереньках попятился к двери. А перед собой услышал осторожные шаги.

– Ой! – Тот в темноте пошёл в сторону Чука и споткнулся о ящик. Раздался всхлип.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.